

ТАКАЯ РАЗНАЯ

ФАНТАСТИКА—4

II ЧАСТЬ

ДТС „Помощь“

Габриэля Гурска

КОНТАКТ

Им уже было поздно возвращаться. Торнтон включил заднюю скорость, двигатель закашлял, завыл на полных оборотах. Их швырнуло так, что Перри врезался головой в спинку кресла, стоящего перед ним, и у него потемнело в глазах. Несколько секунд они ехали назад, Торнтон давил на тормоза, скорость, сцепление, чтобы удержать хотя бы на месте вездеход, который беспомощно цепляясь гусеницами за гладкую поверхность застывшей магмы, скользил вниз по склону: Вдруг что-то в них врезалось, и вездеход развернуло боком к несущейся лавине. Неожиданно вездеход приподняло, словно бы он встал на дыбы. Затем он завалился набок, и начал все быстрее и быстрее скользить вниз, но его догнала лавина обломков скал, камней и щебня, которая прихватив с собой вездеход, продолжала свой путь. Ими швыряло как теннисными мячиками, нормально дышать стало невозможно. Если бы не ремни безопасности, удерживающие их в креслах, они бы давно превратились в бесформенную массу.

Что-то хрустнуло. Сквозь треск и грохот, доносящихся из-под пола вездехода, был слышен скрежет разрываемого металла. Вздрогнув от сильного удара, машина остановилась. Лежащая на крыше, она представляла из себя большую кучу металломата. Потолок теперь был под ними, сами они беспомощно висели на ремнях. Все оборудование вездехода от безотказной системы управления самим вездеходом до защитной системы с ее излучателями антиматерии уже не могло им ничем помочь. Красная лампочка над люком предупредительно мигала, видимо где-то разошлись швы в титановой броне и была нарушена герметичность, давление в кабине постепенно падало.

— Черт...

Впервые Перри услышал от Торнтона слова проклятия, но Торнтон их произнес как-то равнодушно, со спокойной и холодной злостью. Наверное он хотел освободиться от ремней. Видимо ему удалось это сделать, так как послышался глухой удар падения, похоже было, что Торнтон всей массой своего тела рухнул на находящийся вместо пола потолок, лишенный защитного слоя пенолита.

— Ты не ранен, Перри?

Торнтон поднялся, и Перри, который возился с последним замком, увидел его перед собой. Постоял немного, ошеломленный падением, потом слегка покачиваясь приблизился к перевернутому пульту, присел возле него, пытаясь включить двигатель и калькулятор. Но, несмотря на все его усилия, все было напрасно — пульт не действовал.

— Бесполезно, — раздался голос Перри. Наконец замок расстегнулся, и он с шумом, как и несколько минут назад Торнтон, рухнул на потолок. Он теперь стоял на четвереньках, над ним находилась вогнутая чаша кресла, из-под которой он никак не мог выбраться. Генераторы и батареи наверное разлетелись в дребезги. Он постепенно выбрался из-под кресла и покачиваясь встал на ноги. Воздух по-прежнему вытекал наружу, атмосфера внутри вездехода становилась все более разряженной. Он чувствовал головокружение, его поглощала апатия и сонливость. — Без ремонтных автоматов мы ничего не сможем сделать.

Торнтон медленно стал оборачиваться.

— Ты в этом абсолютно уверен?

— Абсолютно.

Они оба замолчали, в тишине кабины только мигала красная лампочка, словно ее били конвульсии. Очень спокойно, не повышая голоса, Торнтон сказал:

— Значит нужно выбраться наружу и добраться до «Редберда». У нас есть скафандры. Тридцать километров пройдем в течение двадцати четырех часов.

Перри отвернулся, предпочитая не смотреть в эти серовато-серебристые глаза.

— Кислорода хватит самое большое на пятнадцать часов.

Ему передалось спокойствие Торнтона, хотя возможно это было состояние равнодушия ко всему, которое охватывает людей при кислородном голодании. Он посмотрел на манометр: давление упало до 0,3 атмосфер, они должны уже надеть шлемы, но эти недостаточные пятнадцатичасовые запасы кислорода им надо беречь. «Беречь? Они же нас не спасут». Дышать становилось труднее, он начал обливаться потом, мышцы были словно из ваты. Он навалился на перевернутое кресло. Торнтон стоял перед ним — Перри не заметил, когда тот к нему подошел, отойдя от пульта.

— Перри, есть еще аварийная ракета.

— Да. Автоматику «Редберда» направить в сторону Корка

по истечении сорока восьми часов. Она так запрограммирована, никто же не предвидел, что броню может разорвать. В просто поврежденном вездеходе люди могут продержаться и пять дней.

— Но ее можно вызвать раньше.

— А радиостанция вездехода? Чтобы ее включить, необходимо привести в действие всю аппаратуру.

— А передатчики в скафандрах?

— Их радиус действия не более трех тысяч метров. Это бесполезно, Торnton.

Он очень спокойно обо всем этом говорил, удивляясь тому, что не чувствует ни отчаяния, ни страха. Как будто инстинкт самосохранения отказал ему. Не хотелось двигаться, шумело в ушах. Подумал: «Вот так все и закончится. На одной из достаточно отдаленных от Земли планет, чтобы никто там не мог вообще представить ее вида даже в своем воображении». Одна какая-то ошибка повлекла за собой целую цепь трагических событий, но сейчас уже ничего не поделаешь. «Если бы мы не отнеслись легкомысленно к записям сейсмотрафов... Нет, не так: если бы он не согласился на то, чтобы отнести легкомысленно, потому что я так сильно этого хотел...». Словно издалека до него долетел холодный твердый голос Торнтона:

— Значит надо перебраться через ту стену.

Он резко поднял голову — это была хоть какая-то возможность, один единственный шанс спасения, о чем он даже и не думал. Существовало всего две дороги назад: одна — это та, по которой они прибыли сюда, самая длинная, по которой они могли пройти только на вездеходе, и другая — прямой путь через скалистый хребет, более короткий, доступный, наверное, только для людей одетых в легкие скафандры. Инстинкт жизни, который казалось уже давно уснул в нем, взорвался в нем болезненно, с новой силой.

— Думаешь, что получится?

— Не знаю. Но у нас нет другого выхода.

Он сорвался с кресла с неожиданной силой. Сделал шаг в сторону бокового люка, но его сразу же бросило на стену, перед глазами у него плыла кабина, его душило учащенное неровное сердцебиение.

— Надень шлем, эти несколько минут нас не спасут, — сказал Торnton и, посмотрев в сторону люка, добавил: — за это время проверю механизм, открывающий шлюз.

Перри с трудом оторвался от стены. Он чувствовал себя смертельно уставшим, и впервые его не задело напоминание о том, что Торnton намного выносливее его самого. Он не пытался воз-

ражать, отыскал шлем и трясущимися руками надел его на голову, застегнул жесткий замок на кольце, которое шло вокруг шеи и заменяло воротник. Открыл кислородный кран, вдохнул, в глазах у него посветлело, сердце вновь начало работать без особых усилий. Смотрел, как Торnton направился в сторону шлюза, где задержав дыхание, проверял, не заклинило ли крышку, так как в противном случае они уже не могли бы выбраться из кабины вездехода. И не стоит даже мечтать о том, что можно как-то пробить броню вездехода или ее разрезать сварочным аппаратом. Единственное чем они могли пробить броню был лазер, но его они как раз и не взяли.

Механизм можно было привести в движение вручную, так как он был оборудован специальным аварийным устройством, на всякий случай вмонтированном в стену. Перри никогда не слышал, чтобы подобный случай с кем-нибудь произошел. Торnton открутил болты. Даже в эти минуты было приятно смотреть, как он работает: скучие точные движения, отсутствие каких-либо следов беспокойства, напряжения, нервозности. И никаких признаков кислородного голодания. Перри рассматривал его сквозь прямоугольное окошечко шлема; он хорошо знал ту его невероятную устойчивость, но каждый раз она его вновь удивляла.

Наконец небольшой рычаг начал двигаться. Он двигался вниз, преодолевая каждый сантиметр. Крышка люка слегка вздрогнула, что было хорошо видно.

— Все в порядке, — сказал Торnton, оборачиваясь к Перри. Перри догадался по движению его губ, что тот именно так сказал. Он и не мог его услышать, так как Торnton все еще находился без шлема. Последний присел на ящике с инструментами, тяжело дыша. Ящик сейчас был внизу, хотя в нормальном положении он постоянно находился под потолком, прикрученный болтами к стене. Торnton был слегка бледен, лицо блестело от пота, дышал не глубоко и часто — сейчас и ему было трудно. Он протянул руку за шлемом, надел его, и Перри сразу же услышал голос Торнтона — низкий, спокойный, твердый:

— Ну, пошли. Сидеть здесь больше не имеет смысла.

Не дожидаясь ответа от Перри, он скрылся в багажном отделении. Через минуту вернулся, вытаскивая оттуда рюкзак. Они в полном молчании стали собирать свои вещи, которые могли бы им пригодиться во время передвижения по поверхности планеты.

— Кажется все взяли — сказал Торnton, подгоняя лямки рюк-

зака. Потом встал во весь свой рост, решительно, почти в приказном тоне, но без того особого звучания в голосе, что свидетельствовало бы о том, что он желает свою волю навязывать Перри, произнес: — Я пойду первым.

* * *

Наружная крышка люка до конца не открывалась, видимо она была заблокирована каким-нибудь камнем. Тесный и в обычном-то состоянии проход, еще более сузился. Они с огромным трудом стали прорыгиваться наружу. Перри кое-как выкарабкался вслед за Торнтоном, который по какому-то молчаливому согласию между ними принял руководство на себя, стоял и разглядывал место аварии. Только сейчас у него перед глазами было то, о чем он мог только догадываться: Корк неподвижно лежал на спине словно огромный жук, который беспомощно двигает своими лапами, пытаясь на них встать, это впечатление еще больше усиливалось от того, что гусеницы вездехода все еще двигались вращаемые скатами, хотя уже с меньшей чем обычно скоростью. Вездеход был в плачевном состоянии. Лавина его протащила добрых несколько сот метров, прежде чем он застрял между каменных блоков, которые и остановили дальнейшее передвижение вездехода вниз по склону. Серебристый его блок расплющен мощным ударом, дно было в виде вогнутой чаши, а тройной слой брони во многих местах был смят, словно это была какая-то жестянка.

— Здорово его помяло, — сказал Торnton. Он по-прежнему неподвижно стоял и смотрел на остов вездехода. — Придется сюда направить целую ремонтную бригаду с подъемниками и кранами, чтобы его хотя бы отсюда вытащить.

И больше не обращая на вездеход внимания, отвернулся. С этим было все ясно, он ничего не комментировал, не выяснял. Перри с благодарностью к Торнтону подумал, что любой другой человек едва ли бы удержался, чтобы сейчас или сразу же после аварии не высказать своих замечаний по поводу того, что они были слишком легкомысленны, не думали о последствиях недооценки показаний сейсмометра, излишне рисковали. Едва ли бы отказался от идеи искать виновного в происшедшем, чтобы затем на последнего взвалить всю ответственность за происшедшее. И скончай всего этим последним был бы его товарищ по несчастью, но только не он сам. Перри хотел ему об этом сказать, но не знал как, и только стоял и смотрел, как Торnton наклоняется, поднимает рюкзак, осторожно его помещает на блоке жизнеобеспечения скафандра, прямо над запасным баллоном с кислородом, также находящемся на спине; более низкая гравитация чем на земле позволяла относительно легко нести этот груз.

— Ну я готов. Пошли?

Он начал идти вперед, беря на себя роль проводника. Перри какое-то мгновение смотрел на его высокий силуэт, который даже в скафандре легко передвигался. Глядя на него, он вдруг вспомнил тот самый первый день в здании Гэлэктик-Нэйви, когда они стояли в коридоре, а он присматривался к Торntonу, который опровергнувшись на раму закрытой двери закуривал сигарету. Он тогда **его немного боялся**, не мог ему доверять. Ему показалось, что те несколько минут от настоящего момента отделяет что-то большее, чем произошедшее между ними время.

Он двинулся следом за ним, догнав его несколькими быстрыми шагами, Торnton не спешил, устанавливая с самого начала спокойный ровный темп движения. Они молча шли, почти касаясь друг друга, в словах у них не было необходимости. После стольких лет проведенных вместе, день за днем, когда их взаимодействие стало таким же естественным, как и их собственное дыхание, им не нужно было что-то дополнительно оговаривать. Временами во время движения они соприкасались плечами, и Перри, чувствуя близость друга, наполнялся спокойной уверенностью. Он подумал, что и его присутствие наверное для того так же важно, как ему самому присутствие Торнтона, что нужен тому этот контакт, это взаимопонимание, какие иногда можно найти с другим человеком. Контакт, который придает смелость, который укрепляет веру в собственные силы. Именно поэтому такой контакт так необходим, хотя не каждый найдет смелость это признать.

Тридцативосьмичасовой день BX-16 подходил к концу, только четыре часа отделяли их от темноты. Края светло-зеленого диска несколько потемнели, сам диск стал как-бы прозрачным, по его поверхности проплывали голубоватые полоски. Он уже заметно снизился. Небо приняло твердый, матовый цвет свинца, над горизонтом появилась непостоянная самая маленькая луна планеты, видимая только перед заходом солнца. Теперь тени словно бы раздвоились, растекаясь перед ними, а затем убегая из под их ног: выразительные черно-голубые, которые отбрасывали все предметы в блеске дневной звезды, и другие, бледные от света малой луны. Они замедлили свое движение, склон оканчивался несколькими метрами осыпающейся породы, каждую минуту камни задетые ногой, начинали скатываться вниз.

Наконец они добрались до основания базальтового гребня. Торnton приостановился и посмотрел на каменную стену, через которую они должны будут перебраться (во всяком случае так казалось Перри, хотя он в этом не был уверен, так как трудно заметить куда направлен взгляд человека, который смотрит через

узкое окошко шлема от скафандра). Гребень возвышался перед ними, отрезая им дорогу к такому близкому к ним, расположенному почти напротив них месту посадки «Редберда». Базальтовая стена была почти вертикальной, ощетинившаяся башнями и шпилями, отбрасывающая голубые тени, которые заполняли расщелины и низины под крутыми обрывами. Перри подумал, что для преодоления этой преграды необходим огромный опыт восхождений на вершины гор. Торnton развернулся, направляя в его сторону продолговатое окошко шлема:

— Ты раньше поднимался в горы?

Перри еще раз пробежал взглядом по неровной поверхности стены; даже с этого расстояния было видно, что ее нелегко преодолеть, вид ее был действительно ужасен. Он чувствовал, как у него пересыхает в горле, он с усилием сглотнул слону:

— Да так, всего несколько раз, Тор.

— Это уже что-то. Я думал, что ты впервые с этим столкнулся. — И с неожиданным оптимизмом, ничем необоснованным, словно бы и не видел эту стену и ничего о ней не знал, добавил: — Вот увидишь, у нас все получится...

— Но этого же мало. — Но, несмотря ни на что, почувствовал как его покидает напряжение, и передается ему мнимое или настоящее чувство уверенности беззаботности Торнтона. — Да и главным образом в горах на луне, а там, как знаешь, немного легче. — Тот выжидавший молчал. Тогда он еще добавил: — Впрочем, это было давно, в последние годы учебы. У нас тогда была практика на луне, всего несколько месяцев, в основном неделями сидели на базе при Эратостенесе, Апенины были перед нашим носом, а что-то же нужно было делать со свободным от занятий временем... Но этого так мало, едва ли ты можешь на меня рассчитывать.

— Не страшно. Здесь гравитация также ниже земной, значит будет легче. Впрочем, я пойду первым и тебе немного помогу. — И на молчаливый вопрос Перри ответил: — Я ходил в Альпах и Гималаях на Земле. Так что справлюсь.

«Интересно, есть ли что-нибудь такое, чего бы он не смог — подумал Перри, стараясь поймать взгляд серебристых глаз Торнтона. — Если бы перед ними было море, а не горы, скорей всего оказалось бы, что он принимал участие в регатах или пересек на плоту Атлантику». Поглощенный этими мыслями, он громко спросил, не осознавая, насколько глупо и бессмысленно произзвучал его вопрос:

— Ты и плаваешь наверное?

— А какое это имеет... — начал Торnton, но затем улыбнулся,

Конечно, Перри не мог видеть его улыбки, но он ее услышал в голосе Торнтона, прозвучавшем у него в шлеме. — Плаваю. Кроме, классическим и дельфинным стилями. Правда, последним похуже. — Несколько мгновений молчал, а затем добавил, без тени хвастовства, холодно и равнодушно, словно перечисляя все достоинства какого-то очень хорошего механизма: — Кроме этого владею приемами борьбы и дзюдо, освоил каратэ, немного катался на снежных и водных лыжах, занимался прыжками. Очень не плохо играю в теннис и чуть хуже в волейбол. В течение года изучал фехтование и приходилось заниматься пятиборьем. Это все входило в программу моего... моего обучения. — Он отвернулся, вновь стал смотреть перед собой. — Пожалуй, это все.

«Вот черт, — подумал Перри, — чудесный ребенок Управления Космических исследований». Список спортивных способностей Торнтона вызвал у него чувство легкой зависти, которое он пытался заглушить несколько насмешливым удивлением:

— Что ж, старина, склоняю голову. Похоже на то, что в том твоем учебном заведении подготовили тебя ко всяkim неожиданностям. Мне остается только поверить в то, что и с этой стеной ты легко справишься.

Раздался тихий и короткий смешок Торнтона, который успокаивал, снимал чувство опасения, был более эффективным чем любые самые убедительные доводы. Перри начал медленно поворачивать голову, потом посмотрел на своего спутника: тот стоял неподвижно, всматриваясь в базальтовый гребень, преграждающий им дорогу. На этот раз, несмотря на закрывающий лицо шлем, можно было не сомневаться, что взгляд Торнтона направлен именно на препятствие. Его тело под блестящей тканью скафандра заметно напряглось, сжалось как перед прыжком, и Перри глядя на это, только сейчас понял, что то, что их ожидает, не будет простым и легким делом, а вся та беззаботность была искусственной, рассчитанной только на то, чтобы успокоить его Перри. Он прочистил горло, сказал чужим, бесцветным, удивительно деревянным голосом:

— Ну что, пошли, Тор?

В начале они шли плавно поднимающимся склоном, который через двести метров становился более крутым. Путь постепенно становился все более трудным, склон перешел в скалистую гряду, двигаться по которой, не помогая себе руками, было уже невозможно. Торnton приостановился, снимая рюкзак со спины, потом склонился над ним, сам он был по-прежнему напряжен и сосредоточен.

— Будем идти в связке — сказал он. Раскрыл рюкзак, стал из него доставать по очереди молоток, моток веревки и крюки. — Ты будешь подстраховывать, а я буду крепить страховочный трос. Только не стой слишком прямо, потому что если я сорвусь, то ты можешь меня не удержать.

Он не пытался чего-либо навязать, подчеркнуть, что он лучше чем Перри, или что он более опытен. Просто он брал на себя трудную часть работы, наиболее изматывающую и физически и психически, считая это вполне нормальным явлением. Он выпрямился, развязал канат, бросил один из его концов Перри, остановился и смотрел, как Перри не слишком уверенно закреплял петлю у себя на груди, но ничего не говорил. Затем он также закрепил канат у себя и начал вбивать крючья в скалу.

— Постарайся потом их все вытащить. — Не глядя на Перри, он был занят тем, что проверял можно ли вытащить крюк из стены одной рукой. — Знаешь, их ведь не так уж и много.

Он присел, завязал рюкзак, забросил его за спину и, поправляя свой груз за спиной, так как двойной баллон с кислородом нарушил немного центр тяжести, встал. Повернувшись боком к Перри, который в это время вбивал крюк для страховки, посмотрел на него.

— Ты готов?

Перри кивнул головой, взял в руку трос, Торnton прошел мимо него. Еще раз остановился, постоял немного, легко задрав голову вверх, оценивая первый участок пути. А затем, с обычным своим спокойствием, самообладанием, которые были чертами его характера, приступил к стене. Его движения были осторожны, но уверенные, он продвигался медленно, очень внимательно выбирая места, куда можно вбить крюки, а после того как вбивал, несколько раз проверял их, прочно ли они сидят в стене, и только потом решался пропустить через них канат. Перри, который следил за его трудным восхождением, вдруг осознал насколько велик риск этого восхождения — звук вбиваемого в стену крюка, наполняющего уверенностью альпиниста на Земле, что крюк вбит надежно, не проникал сквозь шлем космического скафандра, и Торnton шел в полнейшей тишине, не слыша никаких отзвуков, которые могли бы предупредить о том, что крепление крюка в этом месте скалы ненадежно. В любую минуту могло случиться так, что порода осыплется у него под рукой, а крюк не выдержит во время его падения. Одновременно с пониманием этого, вдруг появились спазмы страха, резкие, быстрые, дрожью расползающиеся по вдруг ставшей влажной от пота коже. Это был не только страх перед опасностями этой дороги. Он больше всего боялся самого себя, собст-

венного страха, с которым он должен будет помериться силами там на верху, и того, что, находясь уже на стене, повиснув где-то над пропастью, его страх просто поглотит.

— Натяги канат — объявил Торnton. Видимо он уже нашел хорошее место для подстраховки. — Вытаскивай крюк.

Теперь была его очередь, и тот страх так же неожиданно прошел, как и появился. Голос у него уже звучал вполне нормально, когда сообщая о том, что он выполнил указание, как положено доложил:

— Иду.

— Все в порядке. Иди.

Для него подъем в настоящий момент уже не представлял трудностей, на стене было достаточно выступов, за которые можно было хорошо ухватиться, а Торnton сильно натягивал канат. Перри двигался спокойно, не ощущая страха, зная, что если сорвется или совершил какую-нибудь ошибку, то с ним ничего страшного не произойдет. Торntonу и в этой ситуации можно было доверять, что бы он не делал, он это делал хорошо.

Пять минут спустя Перри уже находился возле первого крюка выбитого Торntonом. Торnton немножко ослабил натяжение каната, чтобы отстегнуть карабин от крюка, и Перри тремя сильными ударами выбил крюк. Все оказалось легче чем казалось раньше. Постепенно он наполнялся верой в успех всего их предприятия. Он на мгновение задержался, чтобы перевести дух, осторожно поднял голову. Верхняя граница гребня очень чистко вырисовывалась на фоне серебристого неба, которое теперь сверкало как огромное ртутное озеро, издалека разящее глаза отражением холодного света. Светло-зеленый диск Регула скрылся уже за вершинами гребня. Стена была высотой метров триста, не больше, и эта препятствия не казалась такой уж страшной, он подумал что они достигнут вершины перед наступлением ночи, что они через восемь самое большее девять часов окажутся в такой родной и ярко освещенной кабине космолета.

Двадцатиметровая грязь оканчивалась каменным выступом. На ней был Торnton, который сидел на ней, высоко подтянув колени, и уперев ступни в какой-то довольно крупных размеров блок. Увидев Перри, он сказал:

— Сейчас будет хуже. Видишь вон те нависающие части гребня? Мы не можем на них забраться, так как нет необходимого снаряжения. Мы должны их обойти справа, а там для нас могут возникнуть еще какие-нибудь сложности, издалека трудно рассмотреть.

Однако в самом начале особых сложностей у них не возникло. Они быстро прошли всю поперечную каменную перегородку, за которой начиналась расщелина, довольно легкая для прохода, правда она вверху немного расширялась, им пришлось ее проходить широко расставляя ноги и упираясь ими в противоположные стеньки, что было довольно утомительным делом. Только позднее начались обещанные трудности. Стена, которая издалека была похожа на базальтовый монолит, оказалась сложенной из различных слоев. Местами эти слои казалось состоять из гнейса, местами из диорита, только очень уж хрупкого. Приходилось быть очень внимательными.

Перри с удивлением смотрел на то, как Торnton находит нужный путь среди этого каменного лабиринта, что свидетельствовало о большом количестве ранее совершенных восхождений, а также совершенно невероятной интуиции. Сложные и опасные места Торnton проходил быстро, уверенно и свободно, чему многие альпинисты позавидовали бы. Каждое его движение говорило о том, что он в совершенстве владеет техникой скалолазания. Он преодолевал препятствия без всякого волнения, что было результатом не только того, что горы не производили на него никакого впечатления, но и также того, что он обладал железной волей, холодным расчетливым умом. Сам же Перри, когда подходила его очередь идти, сосредотачивался исключительно на своих осторожных, медленных движениях, при этом вся окружающая его обстановка перестала для него существовать. Если бы не Торnton, он шел бы вслепую.

Именно поэтому, когда он на какое-то мгновение оторвал свой взгляд от стены, которая была перед ним, и посмотрел на Торнтона, его очень удивило, что тот передвигается по стене в более быстром темпе, по сравнению с тем, который был в начале восхождения. Торnton по-прежнему шел по стене очень уверенно, отыскивая почти незаметные выступы, используя малейшую неровность, щель на стене, только ради того, чтобы найти опору для носка ботинка; в его действиях чувствовалась какая-то поспешность, которой у скалолаза такого класса должна отсутствовать. Глядя на это, Перри, обратил вдруг внимание на то, что зеленоватый диск пропал из поля зрения, а небо, все такое же серебристое, стало словно бы опускаться вниз. Не больше часа их отделяло от наступления темноты.

Стало прохладней, он включил терморегуляционную систему скафандра и продолжал подъем. Над ним была небольшая вертикальная стена, немного выступающая вперед. Он нашел щель, с

которой начинал дальнейший подъем Торнтоу, за ней был маленький выступ, но ему пришлось немного отклониться назад и немногоВправо, чтобы дотянуться до этого выступа, и в этот момент он почувствовал порыв ветра.

Порыв не был сильным, но он был настолько неожиданным, что Перри испугался, он же совсем забыл, что здесь, перед наступлением темноты дует ветер. Он уже стоял на пятисантиметровом выступе; пытаясь нашупать рукой какую-нибудь щель, за которую можно было бы уцепиться, когда на него налетел сбоку поток воздуха, отталкивая его мягко от стены, но этот порыв ветра не представлял для Перри какой-либо опасности, и не потому, что у него была страховка, а потому что это, даже не порыв, а дуновение ветра, было слабым, недостаточным для того, чтобы его оторвать от стены, однако же Перри вновь был напуган. Он крепко прижался к стене, ощущая ее шероховатость сквозь материал скафандра, и стал ждать, когда ветер утихнет. Стоя, почти распластавшись по стене, он четко слышал биение собственного сердца.

* * *

Очередной порыв ветра, на этот раз более сильный, ударили буквально через минуту, в тот момент, когда он вынул ногу из небольшой щели, с большим трудом подтягивался вверх, на руках. Он почувствовал, как все его тело отходит от стены. Пальцы правой руки, цепляющиеся за нижний край маленькой трещины, начали скользить по камню. Он рванулся вверх, напрягая со всех сил свою левую руку, но именно в этот момент ветер прекратился, он с ноющими мышцами всего тела уже находился в безопасном месте, прилепившись всей поверхностью своего тела к шероховатой поверхности скалы. Чувствуя как пот льется у него под скафандром и стекает небольшими струйками вдоль живота и бедер, долго и неподвижно стоял.

— Еще немного. Три четверти пути мы уже прошли, — сказал Торнтон, когда наконец Перри взобрался на скальный выступ, где он его уже ждал. — Еще пятьдесят, ну, самое большое пятьдесят пять метров осталось до вершины. Как переберемся на ту сторону, скала нас сразу же прикроет. — Было видно, что он пытается поддержать Перри, подбодрить его. — Самый сильный ветер нужно будет переждать. Скоро он прекратится, знаешь же, что он дует самое большое полчаса... — Перри лежал рядом с ним и тяжело дышал, а выдыхаемый со свистом воздух наверняка был слышен в шлеме Торнтона, потому что тот очень внимательно приглядывался к Перри, по крайней мере ему так казалось. — Надо спешить. Еще какое-то время ветер не должен быть сильным.

Однако ветер усилился, но не так как ожидали с постепенным усилением порывов, а неожиданно с мощью урагана он ударила по ним. Перри видел с каким трудом Торnton продолжает двигаться вперед; ветер сотрясал его всего, старался сбросить со стены. Любой подобный порыв воздуха мог сорвать человека со стены и сбросить его в пропасть, любая страховка в подобных случаях бессмысленна. Но до вершины действительно оставалось совсем немного.

Торnton обнаружил маленький выступ и взобрался на него, втиснувшись левой частью своего тела в узкую щель и прижался спиной к стене. Места было очень мало, но лучше это место, чем никакого вообще. С первыми порывами ветра стало темнеть, но сейчас сумерки с каждой минутой все больше и больше сгущались, в темноте вспыхивали и гасли голубые огни электрических разрядов. Бледные, не дающие почти никакого освещения, искры сыпались со всех металлических предметов: молотков и крюков, карабинов и замков скафандров. Торnton зажег фонарь на шлеме, Перри последовал его примеру. Сноп света упал на стену, высвечивая ее из серо-синего мрака; жестко вырисовывались каждая щелочка, самая маленькая неровность. Глубокие тени увеличивали их в размерах, создавая иллюзию углублений в породе стены там, где их совсем не было. Перри был в растерянности; над ним была часть стены, выступающая вперед, но ее величину он не мог определить в этом колеблющемся блеске.

— Перекинь канат влево, — попросил он.

Торnton послушался, он пару раз перекинул канат, который теперь свешивался вниз под углом и который к тому же зацепился за какой-то выступ. Потом предупредил:

— Будь внимателен. Если сорвешься, то тебя сильно вынесет влево.

— Понял. Буду осторожен.

Он был так недалеко от цели, что это предупреждение не произвело на него никакого впечатления, он услышал его, но не принял во внимание, он даже не стал серьезно задумываться над такой возможностью. Он продолжал свое восхождение с какой-то нервной торопливостью, да и как было не торопиться, если через несколько минут они будут на той стороне, закрытые от ветра, почти в безопасности, и кончится эта самая тяжелая часть дороги. Еще небольшой заступ, пять метров стены, вертикальная трещина... Совсем недавно он еще двигался так неуклюже, у него болели все мышцы, а сейчас, в возбужденном состоянии он совсем не чувствовал усталости.

Сверху заступа́ стена образовывала небольшой козырек. Он медленно протянул к нему руку, ухватился за его края, пальцы нащупали маленькое неглубокое углубление, он сжал руку и начал подтягиваться вверх. И в этот момент камень, в который он вцепился другой рукой, вдруг выскоцил из стены и рассыпался — Перри завис над невидимой пропастью, наполненной темнотой и ветром, удерживаясь всего на каких-то нескольких миллиметрах скальной породы и напрасно пытаясь найти более надежную опору.

Однако колено попало в небольшое углубление, поэтому стало немного легче. Он отчаянно искал за что бы можно было хоронько ухватиться. Может быть именно потому, что он так судорожно искал, он натыкался только на гладкий словно полированый камень. Он попытался еще раз подтянуться, но одеревеневшие мышцы отказывались подчиняться, колено вдруг потеряло свою опору, он почувствовал, что сего начинает стаскивать вниз. Горячая волна страха захлестнула его с дикой силой.

— Спокойно, — сказал Торnton. — Я тебя удержу.

Судорожно тыкая ногой в поисках какой-нибудь опоры, Перри нащупал ступней едва заметную щель — хоть была какая-то зацепка. Он прижался к скале, руки слабели с каждой минутой, неспособные удержать вес его собственного тела. Следующий порыв ветра ударили сбоку. Хотя этот порыв был намного слабее предыдущих, но и его было достаточно, так как Перри настолько устал, что ладони раскрылись, и он начал падать.

Он не смог даже крикнуть. Его понесло в сторону, он словно превратился в большущий маятник, но тут же натянутый канат резким рывком остановил его падение. Рывок был настолько сильным и болезненным, что Перри застонал. На мгновение он потерял сознание, а когда пришел в себя, понял, что висит возле базальтовой стены и у него нет больше никаких сил до нее добраться.

— Что случилось, Перри?

— Болтаюсь на веревке... — он не говорил, стонал. Боль усиливалась с каждой минутой в сдавленной тресом груди. Ему все труднее и труднее было дышать. — Я так долго не выдержу...

— Под тобой что-нибудь есть? Место, на котором ты мог бы стоять, и куда я бы тебя опустил?

— Нет. Там нет ничего подобного...

— Посмотри хорошенъко. Поищи.

— Так, вроде какая-то маленькая площадка... — он прерывисто дышал, в глазах темнело. Ветер раскачивал его из стороны в сторону. — Где-то два метра влево... Но я до нее не дотянусь.

Бесполезно, Тор.

— Спокойно, — отозвался тот.

Ветер бил в них со страшным, ожесточенным, почти человеческим бешенством. Торnton попытался немножко подтянуть Перри вверх, но это было выше даже его сил. Возможно канат попал в какую-нибудь щель, а трение его разрушало, поэтому существовала угроза того, что канат разорвётся. Торnton решительно заявил:

— Я спускаюсь к тебе.

Его голос звучал для Перри ободряюще, в нем слышалась поддержка, он успокаивал, в голосе Торнтона звучала нота непоколебимой уверенности в себе. Видимо сам Торnton очень спешил, и вскоре Перри его увидел прямо над собой. Он стоял на какой-то очень узенькой полочки, в трех метрах влево от вертикальной линии, обозначенной натянутым канатом. Он попытался до неё дотянуться, но не смог, расстояние было слишком большим, даже при его рискованном маневре, когда он почти всем телом стал свешиваться с этой полочки, ему не хватало целого метра.

— Все это бесполезно... — прошептал Перри.

Он наблюдал за действиями Торнтона, охваченный отчаянием, сам он ничего не мог сделать, с каждой минутой слабел. Ветер немного утих, посветлело, в серо-серебристых сумерках свет фонарей казался более желтым чем раньше, даже каким-то оранжевым. Но и свет он видел все хуже и хуже, он как бы затухал у него в глазах, растворяясь среди разноцветных кругов. Его душила тупая, все усиливающаяся боль. «Я больше не могу. Я скажу ему, чтобы он отказался от этой затеи и чтобы перерезал веревку...» — подумал он, теряя сознание.

Тот по-прежнему не оставлял своих попыток спасти Перри. Полка, на которой он стоял, неожиданно стала уходить из-под ног, скрываясь затем за небольшим скальным навесом, который больше напоминал горизонтальную щель, глубокую трещину в скале, но именно этот нависающий кусок породы находился рядом с Перри. Торnton застыл на какое-то мгновение, погрузившись в раздумья, делая расчеты своего дальнейшего движения. Раздумья его длились не больше секунды. Вбил крюк, пропустил через него канат, и затем начал ползти по стене.

Места было так мало, что только половина его тела могла поместиться в пространстве между навесом и полкой, одно плечо и одна нога свисали у него над пропастью. Наконец он добрался до края навеса, распластавшись по поверхности скалы, выглянул из-за навеса. Он вновь попытался дотянуться до каната и схватить его, чтобы затем подтащить Перри к себе. Перри все это очень хорошо видел: руку в тесно облегающей ее перчатке до дро-

жащего, натянутого каната отделяло всеёо каких-то не сколько сантиметров.

Ветер ударили с новой силой, и Торnton, наполовину свесившийся с карниза, опасно закачался над пропастью наполненной темнотой. Он все еще лежал на узком, остром краю, обдуваемом порывистым ветром. Небольшие вспышки электрических разрядов загорались и гасли на поверхности его шлема. В луче света своего фонаря Перри видел его глаза, очень четко, учтивая то, небольшое расстояние, которое их отделяло, сквозь прозрачное забрало шлема: спокойные, внимательные и сосредоточенные, в них не было никаких следов беспокойства или страха, только где-то в глубине радужных оболочек глаза горели решимостью. Но он даже не успел удивиться, как ветер, все время его раскачивающий из стороны в сторону, приблизил канат к той протянутой руке, он почувствовал резкий рывок и тут же оказался прямо под Торntonом, и вот уже он инстинктивно цепляется за выступы небольшой площадки, не успев даже дать себе мысленной команды к этим же самим действиям.

— Порядок, — послышался голос Торntона. Голос был немногоЛ приглушенным, но это скорее всего он сам плохо слышал. — Я буду поддерживать канат, а ты постарайся немного подтянуться вверх.

Он послушался, прилагая почти нечеловеческие усилия. Ему это удалось — с ноющими от боли мышцами, задыхаясь от боли, он был на маленькой площадке. Ослабив затянувшийся узел, он бессильно привалился к стене, судорожно хватая воздух и пытаясь сдержать бьющую его от усталости дрожь.

— Три сажени над тобой небольшой язык, — услышал он голос Торntона (который действительно изменился). — А затем дорога будет легче. С минутку можно будет отдохнуть, но сейчас ты должен поторопиться...

Его все еще била дрожь, по-прежнему была боль в груди, мышцы были словно из ваты. В нем вспыхнуло возмущение, почти ненависть к бескомысленному эгоизму, с которым Торnton хотел заставить вновь прилагать все свои усилия, не позволяя при этом передохнуть.

— Не могу, — буркнул он со злостью.

— Ты должен, — ответил тот. С минуту помолчал, а потом спокойно добавил: — Я слабею... — Не было в этих словах ни упрека, ни претензий, это была просто трезвая конкретная информация: — У меня кончается кислород...

Перри похолодел. Это, пожалуй, было самым худшим, что с ними могло случиться, тем более, на этой обдуваемой всеми вет-

рами, почти вертикальной стене, нависшей над тридцатиметровой пропастью, когда одному из них стало недоставать кислорода... Возможно в одном баллоне давление было низким, а возможно Торнтон использовал кислорода больше, чем положено по норме. Медленно, очень осторожно оперся коленями, а затем поднялся на ноги, дрожжа от неимоверных усилий. Их шлемы разделяло расстояние шириной с ладонь, он видел капли пота, выступающие между темными густыми бровями Торнтона. Еще подумал, что, наверное, уже прошло немало времени, раз выносливость Торнтона стала подводить его. И в этот же момент он понял, что первые признаки кислородного голодаания Торнтон уже ощущал тогда, когда решился спускаться по стене вниз за ним, за Перри.

Существовал один единственный выход: они как можно скорее должны добраться до места, где можно было бы заменить один пустой баллон на полный. Но перед ними было несколько десятков метров все той же вертикальной стены, без каких-либо крупных горизонтальных выступов. Спускаться вниз они также не могли, да и некуда было. Площадка, на которой он стоял была слишком мала для того, чтобы на ней можно было провести операцию по замене баллона. Физически ощущая страх, который у него отзывался спазмами желудка, дрожащим голосом спросил:

— Ты сможешь добраться до вершины?

— Должен, — с трудом произнес Торнтон, в голосе которого слышалась хрипотца. — Другого выхода нет.

— Сколько ты еще сможешь продержаться?

— Полчаса. Может — минут сорок. Потом я уже не смогу идти. Начнется рвота, головокружение... Впрочем, сам знаешь. Я в три раза более вынослив, но...

Теперь их роли неожиданно поменялись местами, из уверенно го в своих силах проводника тот становился человеком, который уже от Перри ожидал помощи, и который нуждался в опеке и защите. Перри с трудом проглотил слюну, затем произнес твердым уверенным голосом, почти в приказном тоне, голосом, на который еще буквально минуту назад он не был способен:

— Хорошо. Не думай сейчас обо мне, а только о себе. Через двадцать минут мы должны быть на вершине. Давай, Тор.

Торнтон послушался. Он довольно быстро выбрался из под скального навеса, добрался до места, где полка расширялась, и там уже мог встать на ноги. Он отцепил карабин, оставляя крюк в стене — уже не было времени, чтобы его оттуда вытаскивать, — и полез вверх. Свисающий сверху, хорошо закрепленный канат давал возможность быстро и безопасно подняться. В движениях его не чувствовалась неуверенность, он стал только более медленно

двигаться, как бы во сне. Но богатый опыт и автоматизм действий, приобретенные за время долгих тренировок в горах на Земле, работали безотказно.

Но несмотря ни на что, необходимо было спешить. Как только Торnton подал знак, Перри обеими руками схватился за канат, и, откинувшись назад, не обращая внимания на швыряющие его из стороны в сторону порывы ветра, начал восхождение. Не прошло и пяти минут, как он оказался возле своего спутника, рядом с крутым скальным выступом, с которого Торnton обеспечивал его безопасность, когда Перри сорвался и летел вниз. Здесь также места было недостаточно. «Может быть, на той стороне» — подумал он и тут же испугался, это означало еще около полутора десятков минут подъема, с которыми Торnton мог бы и не справиться. Он отчаянно начал искать выход из создавшегося положения, но найти который он так и не мог. Торnton также не видел выхода, но как бы отвечая на отчаянно скачущие мысли в голове Перри, спокойно отозвался:

— Я... у меня мало сил, но... я думаю смогу...

Вершина была от них примерно в десяти метрах, узкая как лезвие ножа грань рассекала пространство полное вихрей. Через не большой перевал они могли попасть на другую сторону. Перри смотрел как тот медленно, но упорно продвигался к гребню, и у него было ощущение, что это он сам ведет борьбу с ветром и собственным слабеющим телом, словно это он задыхаясь, с неровно и болезненно бьющимся сердцем, пытается побороть усталость, заставить себя сделать следующий шаг, сделать еще одно движение. Торnton упрямо, метр за метром, двигался к вершине, движения его были замедленными, как у лунатика, он чем-то напоминал аквалангиста под водой. Все происходило не так быстро как хотелось бы, а может это только волнение Перри создавало впечатление, что время растягивается до бесконечности. С каждой минутой его беспокойство усиливалось. Между ребер он почувствовал тупую ноющую боль от ощущения своего бессилия что-либо сделать. Он не мог ничем помочь своему другу, он мог только смотреть, сохраняя слабую надежду на то, что он не ослабнет раньше, чем они доберутся до места, где можно будет заменить баллоны. В то же время он понимал, что последствия не заставят себя долго ждать, да и бессмысленно было верить в то, что даже самый стойкий и такой необычный организм как у Торнтона, мог бесконечно выдерживать недостаток кислорода. До вершины оставалось всего несколько метров. Он предпочитал не думать, что может случиться, если того силы покинут раньше, чем хотелось бы.

За время отчаянно долгих минут ожидания он понял, что он боится за Торнтона. Ранее подобное чувство ему не было знакомо — он даже и не думал, что за другого человека можно беспокоиться точно так же, как за себя самого. Для него это было удивительным и неожиданным. Размышляя над этим фактом, он подумал, что этот страх, это беспокойство нечто большее, чем верность человеку, которая появляется тогда, когда двух людей связывает общая работа, когда они соединены общей для них опасностью, когда у них одни и те же цели. И дело было не в том, что тот был единственным товарищем здесь, на этой планете, на которой кроме них не было ни одного живого существа. И не в том, что он был единственным человеском, который остался со всей далекой Земли, тем более, что там уже давно не было в живых людей, с которыми он хоть мимолетно встречался. «Он мне почему-то нужен», — подумал с удивлением Перри, еще не понимая до конца, не имея смелости поверить в это, наконец. Даже больше: он стал кем-то важным и близким. Может это потому, что ни один человек не может быть всегда и везде один, быть чужим, изолированным от всех, других. Может вообще никто не в состоянии выдержать такого одиночества. И хотя он даже будет утверждать, что все не совсем так как кажется, сго всегда будет терзать сильнейший голод необходимости общения. Хотя он даже будет отрицать то, что он очень нуждается в другом существе, понимающем сго, чувствующем то же самое, что и он сам». Вдруг он, все понял: свою тоску, необходимость в близости, которая всегда его сопровождала в течении всех тех лет, проведенных в космолетах и на планетах многих далеких солнц. И еще одно: его желание, впервые с давних пор, было исполнено, потому что то, что появилось между ним и Торнтоном была именно дружба, чувство, которое редко бывает, но такое ценное и такое необходимое, и до этой минуты он не мог в этом признаться.

Порывистый ветер вновь обрушился на них с неожиданной силой. Но на этот раз он уже не представлял такой опасности, как раньше. Торнтон, а затем несколько минут спустя Перри наконец перебрались на противоположную сторону перевала. Сумерки немного поредели, что предвещало восход самой большой луны, а их у планеты было две. В серебристом блеске, предвещающем ее появление, Перри увидел каменистые и пологие склоны, которые в виде террас спускались к плоскогорью, на котором блестел видимый даже при таком освещении, похожий на стрелу, нацелившуюся в черное небо, стройный силуэт «Редберда».

В нескольких метрах от них перевал заканчивался многометровым обрывом. Перри заметил недалеко от них небольшой бал-

кон, на котором могли разместиться два человека, там было достаточно места еще для троих. Он облегченно вздохнул: до этого балкона они могли добраться в течение нескольких минут, затем заменить баллоны, и остаток дороги уже не будет представлять для них слишком большую проблему. Он резко обернулся, возбужденно хватая плечо Торнтона. Он обратился к Торнтону, не в состоянии скрыть свою радость:

— Двадцать метров, Тор. Может даже меньше. Через минуту уже там будем.

— Да. — Торнтон говорил медленно и осторожно, охрипшим голосом, тихо. Но не чувствовалось, что он хоть немного ослабел.

— Даже нет необходимости пешком туда спускаться. Мы можем... съехать быстро по канату.

— Я подумал об этом же самом...

Этот участок действительно очень легко было преодолеть, спускаясь при помощи каната и съезжая по нему, и это было намного быстрее, чем мучительно ползти вниз по этой отвесной стене. Единственной проблемой было то, что балкон находился немного под углом от них, поэтому и канат надо было тянуть под углом. Торнтон мог не справиться с этим спуском. Сквозь узкое окошечко шлема трудно было увидеть что-либо такое, что позволило бы определить его самочувствие, поэтому Перри его спросил:

— Сможешь?

— Да. Наверное... У меня еще есть немного времени, прежде чем... Ну, сам знаешь...

— Хорошо. Отдохни. Я оборудую стоянку.

Он нашел небольшую щель, вбил туда крюк до самого конца, попытался его рывком вырвать оттуда, но он даже не шевельнулся, видимо он очень крепко сидел в стене. Для безопасности он рядом вбил еще один крюк. На крюки надел петли, завязанные плоским узлом. У него все получилось намного лучше, чем можно было ожидать — у человека, если он вынужден, раскрываются такие способности, какие в обычных условиях у него едва ли проявились. Возникла проблема с канатом: у них не было крепления для быстрого спуска по веревке, поэтому приходилось воспользоваться теми приспособлениями, которыми они пользовались до этого. А это означало, что он не сможет подстраховывать Торнтона. Он не знал, что придумать можно в этой ситуации, но а так как размышление над этим вопросом также ничем не могло им помочь, Перри вообще перестал об этом думать. Закрепил канат, связал между собой оба его конца, а сам свернутый кольцами канат положил на стоянку — он сделал все как положено. Наконец он вновь мог взглянуть на стоящего рядом с ним на не слиш-

кож крепком маленьком выступе товарища. Торнтон привалился спиной к скале, вид у него был несколько хуже, чем перед этим, даже через скафандр было видно, что он сутулится, да и все тело его было как бы обмякшим.

— Что с тобой, Тор?

— Ничего, только... Я должен спешить. Я начну спуск...

— Подожди. Я попробую спуститься, посадив тебя на мою спину.

— Это очень трудно, Перри... С тем оборудованием, которое у нас сейчас при себе... это почти невозможно... Я должен сам... — Говорил он медленно, часто прерывая свою речь, но слова произносил очень выразительно, хотя голос у него звучал монотонно, как у человека, только проснувшегося. — Наверное... я справлюсь. Я, видишь ли, вообще... я немного по-другому... сконструирован, чем ты... и мой организм... в большей степени чем твой... подчиняется... моей воли.

Перри уступил Торнтону. Впрочем, не было никакого другого выхода, а дальше настаивать, это повлекло бы за собой пустую трата ценного времени. Он еще подумал, что альпинист такого класса как Торнтон не может ошибаться в оценках своих возможностей. Его невероятная устойчивость позволяла предположить, что и с этой задачей он как-нибудь справится. При этом он не сомневался в том, что тот хорошо знает свой организм, да и не переоценивает своих возможностей. Перри согласился:

— Хорошо. Только... будь внимателен, Тор. — При этих словах голос у Перри заметно дрогнул, голос был наполнен беспокойством и мольбой. — Не спеши, если в этом не будет необходимости.

С тем же самым беспокойством он смотрел, как Торнтон устанавливает специальное приспособление для спуска, ему даже показалось, что у Торнтона дрожат руки, когда тот пропускал канат через левое плечо, грудь и правое бедро. От этого у Перри вновь проснулся страх, но единственное, что он мог сделать, это внешне не показывать своих чувств. Поэтому он просто стоял и смотрел, внешне абсолютно спокойно, как Торнтон стоит на краю обрыва, отталкивается ступнями от стены и начинает спуск над многометровой пропастью.

Ветер наконец утих (а может это только его порывы их не достигли), сумерки редели с каждой минутой. В голубоватой, насыщенной мягким рассеянным светом, серости Перри видел каждое движение довольно быстро спускающегося Торнтона, который, несмотря на усталость и истощение, хорошо контролировал скорость своего спуска. Излишне он не спешил, у него было правильное

расположение тела: слегка согнутый в бедрах, сильно отклонившись от стены, выпрямив без напряжения ноги, он надежно обхватил руками канат, но при этом не сильно сжимал ладони. Вот он уже прошел одну треть пути к балкону вдоль обрывистой стены. Перед ним был самый крутой участок стены. Он задержался на минутку, уперев ноги в маленький выступ, поправил снаряжение, а затем без всяких задержек стал продолжать свой путь. Серебристый скафандр сиял в полумраке холодным блеском ртути, словно бы концентрируя в себе весь дрожащий и рассеянный свет. Торнтон по-прежнему хорошо был виден, несмотря на все время увеличивающееся между ними расстояние. Именно поэтому Перри все так хорошо видел.

И вдруг увидел, что тот без всяких видимых причин, в полном молчании, отпустил руками канат, распростер руки в разные стороны и начал падать назад, головой вниз.

* * *

Он пролетел десять метров, отделяющих его от края балкона и ударился об этот край. От удара его развернуло в сторону, на какую-то долю секунды Перри увидел фигуру человека с разбросанными в стороны руками, бессильно, словно тряпичная кукла на фоне поверхности, покрытой камнями, лежащей на глубине сорока метров, рухнувшую в пропасть.

Послышался крик. Он услышал этот страшный крик — скорее даже не крик — вой, под чашей своего шлема, он весь от страха сжался, прежде чем сообразил, что человек, который завыл, это он сам, что крик, который он слышал, не Торнтона, а это сам он его издал. У него подкосились ноги, он откинулся спиной на стену для того, чтобы не упасть; он был слишком оглушен, чтобы как-то на это среагировать, сделать что-то осмысленное и нужное, что-нибудь придумать, приступить к каким-либо конкретным действиям. Он весь сжался, чувствуя как его захватывает жесткая и горячая волна тошноты; он боролся с обильной слюной, которая непрерывным потоком заполняла ему рот, с резкими спазмами внутри живота, с заливающим его потом, с охватившим его оцепенением. В абсолютной тишине глухо, тупо и болезненно стучало сердце.

Он не долго был в оцепенении, всего лишь несколько секунд. Прежде чем у него окончательно прошло ошеломление, вызванное падением друга, он начал действовать, да и как же могло быть иначе, когда многолетняя работа в качестве пилота космических кораблей выработала у него рефлексы и способности мгновенного реагирования даже в ситуациях, с которыми он ранее не сталкивался, новые и неожиданные. Он сейчас особенно не задумывался,

он делал то, что было необходимо и что было единственным выходом из этого положения: установил на канате приспособление для спуска и отправился следом за Торнтоном. Что бы с тем не случилось, он должен был в любом случае до него добраться. И как можно быстрее.

Спуск был трудным, но он спешил. Быстрый спуск усиливал трение, поэтому он, несмотря на защиту скафандра, чувствовал как у него возрастает боль под бедром, он уже чувствовал там сильное жжение. Он старался не обращать на это внимания, не снижая темпа, он только стискивал зубы. На полпути он немного задержался для того, чтобы вбить еще один крюк, чтобы изменить направление своего движения и пропустить через него канат. Эта короткая остановка позволила ему собраться с мыслями, он вдруг остро почувствовал, что то, что он сейчас делает для Торнтона, для последнего уже может не иметь никакого значения. Падение с высоты сорока метров, даже на этой планете, где сила притяжения значительно ниже, может привести к смертельному исходу. Осознание этой правды, такой естественной, привело к тому, что его охватило отчаяние и страх.

Но эти мысли у него быстро прошли. Они заняли то всего несколько секунд, все то время, которое ему было необходимо, чтобы вбить крюк. Но как только закончил он эту работу, он сразу же отбросил и эти мрачные мысли. Не теряя времени на раздумья о том, что целесообразны ли его действия или нет, он продолжал спуск. Он знал, что должен добраться до Торнтона как можно быстрее и что он это сделает, не размышляя о том, есть ли хоть один шанс, что он поможет чем-нибудь Торнтону.

Каната хватило как раз до балкона. Он встал на площадку, освободился от приспособления для спуска и заглянул через край балкона вниз. Внизу на пологом склоне, покрытом щебнем и кучами более крупных камней, он увидел блестящий, словно брошенную между камней металлизированную синтетическую ткань, неподвижно и беспомощно лежащий силуэт человека. В горле словно застрял камень, хотелось кричать, но только это сдва ли могло чем-нибудь помочь, или что-либо изменить. Он взял себя в руки, чтобы спокойно и хладнокровно все обдумать, при этом постараться найти место для установки нового крепления, которое могло бы обеспечить дальнейший спуск. От Торнтона его отделяло расстояние равное длине трех канатов вместе взятых.

Он встал, чтобы стянуть канат, по которому он спустился. Развязал узел, разделил оба конца и начал тянуть канат на себя. У него канат уже почти наполовину лежал на поверхности балкона, как канат наверху за что-то зацепился. Он со всех сил его начал

дергать, повисал на нем всем своим телом, но канат не поддавался, пружиня в руках.

Он боролся с канатом в течении нескольких секунд, но положительного результата не последовало, видимо канат запутался или зацепился за что-то наверху. У него был только один выход: вновь подняться наверх и попытаться его отцепить. На это у него ушло бы по меньшей мере двадцать минут. Двадцать минут, которые задержат его в дороге к лежащему на кучах щебня другу.

Он убрал руки с каната и неподвижно остановился, зная уже, что будет делать, хотя его решение еще не приобрело в мыслях конкретную форму. Он медленно повернулся и с минуту смотрел на сверкающее серебро в сорока метрах под ним. Он решил, что будет делать, несмотря на страх, какой в нем будила эта пропасть, и эти кучи камней, очертания которых расплывались в любом полумраке.

Удивленный собственной решительностью и смелостью, он отрезал кусок каната, вбил в край балкона крюк, закрепил канат. Затем перекинул свое тело через край балкона, и начал спускаться, пока не кончился канат. Конец каната оказался там, где он спокойно мог касаться скалы; он встал, затем поиском выступы и щели, чтобы за них ухватиться руками. Решительным жестом он освободился от петли, и лишенный на этот раз какой-либо страховки, оказался один на один со стеной.

Она была не настолько уж крутой, как ранее казалось сверху, поверхность ее была сильно изрезана, поэтому он мог на ней найти вполне подходящие ступени. Но в то же время порода стены была очень хрупкой, и он вынужден был проверять каждый выступ на прочность, чтобы под ним случайно не осыпался кусок скалы. Он сейчас боялся, именно сейчас, когда он был совсем один, с ним произошло то, чего он больше всего опасался в самом начале восхождения на перевал. В любой момент он мог рухнуть на щебень рядом с Торntonом, и ничего не могло его предохранить перед падением, его никто и ничто не подстраховывало.

То, что он сделал, можно было назвать безумием. Из них двоих, именно он был наиболее слабым альпинистом, и то, что он удачно совершил восхождение с той стороны, он был обязан Торнтону, а сейчас он шел не в гору, а спускался вниз, а это было значительно труднее. Его безумному решению не было никакого разумного объяснения, тем более Торнтон скорее всего был мертв, потому что невозможно выжить после падения с высоты сорока метров. Перри, пожалуй, шел потому, что он хотел удостовериться, что тот действительно погиб, а не для оказания помощи, и под этим углом зрения его предприятие было бессмысленным риском.

Но по другому он не мог. Неписаный закон космических экспедиций гласит, что необходимо действовать вопреки действительности, теории вероятности, здравому рассудку ради того, чтобы спасти своего товарища. Он всю жизнь придерживался этого правила, зная, что, когда подведут машины, оборудование, вся земная наука и техника, каждый человек может рассчитывать на другого человека, который не подведет, и который сам может рассчитывать на помочь первого, если ситуация поменяет их местами, принимая всевозможные меры, чтобы спасти друг друга. Но на этот раз Перри действовал не только из чувства долга по отношению к тому человеку, за его отчаянной смелостью скрывались те минуты, когда он впервые в жизни почувствовал страх за другого человека и когда он признался себе в этом. Соглашаясь на этот полет, на Земле, он был весь поглощен только одной мыслью — мыслью о Контакте с другими цивилизациями, он даже не думал, что может столкнуться с Контактом другого рода — Контактом с человеком, который стал для него кем-то очень близким. Он точно также не думал, что это может стать для него одним из самых важных стимулов в жизни.

Он лез на последнем дыхании, руки едва его держали, пот заливал все тело. Он почти со стоном дышал, прозрачное забрало шлема запотело от его частого дыхания. Ладони уже с трудом сжимались на очередном выступе, пальцы сводило судорогой, руки почти не чувствовали, сквозь перчатки шероховатости стены. Бывало так, что его судорожно вцепившаяся в камень ладонь, несмотря на его усилия, медленно сползает, и он удивленно смотрит, как его пальцы всунутые в щель медленно выпрямляются и тоже начинают скользить по камню, и тогда он в самый последний момент находит в себе силы и буквально приклеивается к камню. И он шел все дальше, почти ненавидя свое собственное тело, из которого он выжимал последние силы.

Он уже был далеко, буквально в десяти метрах от камней, на которые упал Торнтон. Несмотря на смертельную усталость, он заставил себя сосредоточить все свое внимание на последних метрах; на этом не слишком надежном участке он мог сбить ногой какой-нибудь камень, и на лежащего у подножья горы Торнтона сразу же мог обрушиться град камней. Он спускался ужасно медленно, сантиметр за сантиметром, каждый выступ и каждый камень, которые у него начинали шевелиться под рукой или под ногой, заставляли сжиматься его сердце и обливаться холодным потом.

Когда он оказался рядом с Торнтоном, он не в состоянии был ответить сколько времени он на все потратил. Небо над горизон-

том расцвело колеблющимся голубоватым заревом, восходящей большой луны, которая должна была вот-вот появиться. Освещенный этим лазурным светом Перри наклонился над своим товарищем: тот неподвижно лежал лицом вниз, раскинув руки в стороны. Он был так страшно неподвижен, что напоминал собою брошенный, никому не нужный, пустой скафандр. Он с трудом присел перед Торнтоном на колени и перевернул его на спину. В эту минуту сияющий ртутным блеском огромный спутник планеты вынырнул из-за скал, ослепляя Перри своим ярким светом, Перри опустил фильтр на забрало шлема, но так как он это своевременно не сделал, то у него долго перед глазами стояли жёлто-красные большие и маленькие круги. Когда у него зрение восстановилось, он смог вновь посмотреть на лежащего Торнтона.

Он был еще жив: красный сигнал показателя пульса, расположенный на передней части скафандра, мигал слабо и нерегулярно, показатель прибора подачи кислорода скакал в учащенном ритме агонизирующего дыхания. Перри почувствовал горячую волну надежды, которая поднялась у него и дала знать о себе физическими ощущениями: болезненной болью в подреберье; это было чувство вызванное радостью и отчаянием одновременно, потому что он не знал чем и как он мог поддержать и спасти эту каким-то чудом теплующуюся жизнь.

Только организм Торнтона мог выдержать подобное падение и недостаток кислорода. Стрелка на датчике баллона показывала ноль, и кислорода было значительно больше в разряженной атмосфере планеты, чем под шлемом скафандра находящегося в бессознательном состоянии человека. Перри трясущимися руками отцепил пустой баллон и прикрепил запасной. С облегчением заметил, что молочно-белого цвета показатель начал мигать более ровно и спокойно, однако пульс по-прежнему был очень слабым и редким, даже очень редким, чтобы на что-то надеяться. Глядя на лежащего Торнтона, Перри подумал, что при таком падении могло произойти что угодно — у Торнтона мог быть сломан позвоночник, повреждено основание черепа, сотрясение головного мозга, внутренние кровоизлияния... То, что он был жив, это еще не означало, что он будет спасен.

Даже для того, чтобы сделать поверхностный осмотр Торнтона, необходимо было с него снять скафандр, а это в настоящих условиях сделать было невозможно. Он чувствовал безнадежность положения, понимая какие невероятные сверхчеловеческие усилия прилагал ранее Торнтон. По меньшей мере пять часов ходьбы их отделяло от корабля, до которого он должен добраться со своим товарищем, чтобы тому оказать хоть какую-то помощь. Он поднял

голову и с каким-то тупым, безнадежным отчаянием стал смотреть на окружающие их насыпи камней, темные и острые грани скал рисующихся на фоне голубого блеска и на покрытые щебнем склоны гор, круто опускающихся в сторону площадки, где произвел посадку «Редберд». Он был один, он был предоставлен сам себе. Но речь шла не о нем, если существовал хоть какой-то шанс спасти Торнтона, то он должен был полагаться исключительно на свои силы и выносливость. У него их должно хватить для того чтобы достичь товарища до космолета, он знал, что ничего другого он придумать не сможет и поэтому он немедленно должен приступить к реализации своего плана, не задумываясь над тем, реально ли выполнение данного плана или нет. Он был ослаблен, сердце глухо и тяжело стучало, руки и ноги дрожали после слишком сильного напряжения. Но он не думал о себе, он стиснув крепко зубы наклонился над Торнтоном.

* * *

Он, наверное, на всю жизнь запомнит свою пятичасовую прогулку с Торнтоном, лежащим у него на руках в бессознательном состоянии. Все происходило как в страшном кошмарном сне, он двигался как во сне, падал, вновь вставал, то нес, то тащил тело своего беспомощного товарища. И как в дурном сне перед глазами стояли эти черные скалы, огромная луна, сверкающая ртутным блеском, который причинял боль глазам, и чужое небо, на котором созвездия были такими чужими, такими непохожими на те, под которыми рождался, жил и умирал человек.

Он старался сосредоточить все свои мысли на том, что ему еще нужно сделать, чтобы только не думать о световых годах, которые отделяют его от Земли, потому что, когда он вспомнил о них, его покидали силы, охватывало чувство одиночества, безнадежности человеческих устремлений в отношении огромного холодного, молчаливого космоса, который, даже если в нем прошла половина жизни, по-прежнему оставался чужим и враждебным, равнодушным, несмотря на все усилия, слишком огромным, чтобы человек мог в нем оставить хоть какой-нибудь заметный след, овладеть им, освоить его. Он шел только вперед, стараясь не думать, что его еще может встретить в пути, какую неожиданность или неприятность может подбросить эта планета, с чем ему еще придется померяться силами.

Он давно уже выбросил один из своих баллонов с кислородом, нисколько не задумываясь над тем, что ему может не хватить кислорода до космолета. Но он еще не лишился своего рассудка и сознания, и поэтому предварительно частично опустевший баллон прикрепленный к скафандрю он заменил на запасной. А еще рань-

ше, у подножия скал он оставил неприкосновенный запас пищи, молоток и крюки, медицинскую аптечку — все то, что представляло хоть какую-то тяжесть. Он нес только Торнтона, но и это уже было сверх его сил, его качало из стороны в сторону, спотыкался о камни, голова раненого в эти моменты стукалась об его спину. Но он ничего с этим не мог поделать, он мог только идти, не понимая, не думая о том, откуда он берет еще силы, откуда у него это упрямство, которое позволяет ему пересилить боль всех мышц, учащенное нервное сердцебиение и крайнее истощение.

Ему казалось, что Торнтон с каждым шагом становится тяжелее. Он все чаще и чаще спотыкался, дышал, с каким-то неприятным хрипом, его заливал пот, он чувствовал как у него постепенно отключается сознание. Дальнейшая транспортировка раненого становилась для него неразрешимой задачей, у него появилось страшное неодолимое искушение — бросить Торнтона, оставить его здесь, среди черных скал, под чужим широким небом. «Ты же сразу же за ним вернешься, вернешься ракетой», — убеждал его чей-то голос, звучащий у него внутри. Перри ехидно улыбался, не осознавая этого, в его улыбке была видна презрительная ирония; ни одна ракета не смогла бы произвести посадку на кучах щебня, которые от ее веса сразу же начнут расползаться в разные стороны. Он с жалостью думал о том, кто в нем так напрасно старается его увести с пути истинного, примитивной ложью, обманом, которым трудно кого-либо убедить; даже второе «Я», скрытое в нем, занимающее целую половину его головного мозга, не могло поверить в то, что предлагало.

Один раз он сильно споткнулся и упал. Беспомощное тело Торнтона прижало его к поверхности пологого склона, он лежал и тяжело дышал, убеждая себя в том, что он уже не поднимется и что это уже конец. Смерть ему казалась чем-то безразличным, самое большее на что он был способен, так это только удивляться тому, что его жизнь должна вот так закончиться, прямо здесь и сейчас. Она его не пугала, она была чем-то, что несет для него покой, что снимает с него всякую ответственность за дальнейшие его действия. Лежа, уткнувшись лицом в щебень, он дышал ровно и не часто, он даже слышал шум своего дыхания под герметической банкой своего шлема. «Я больше не могу», — произнес он спокойно и негромко, словно он обращался к кому-то другому, словно перед тем другим пытался оправдаться. Он вновь стал вставать. Очень осторожно, опираясь на руки, он вначале встал на колени, а затем поднялся во весь рост, его захлестывала жалость к самому себе, и он ненавидел силу, которая была внутри него и которая ему сопротивлялась, которая не поддавалась усталости, не на ми-

нуту не гаснущая в нем, заставляющая его действовать, которую он не мог победить. Он вновь взвалил Торнтона на спину и вновь пошел, отчаянно, ожесточенно проклиная все и вся, потому что его самообладание, его выдержка давно уже кончились. Он проклинал лишь только потому, что хотел сдержать слезы, которые у него наворачивались на глаза от ненависти, от собственной слабости, которые он не мог переселить. Нельзя сказать, что он не боролся с этими чувствами, он боролся с ними, но одним единственным доступным ему способом: он заставлял себя сделать шаг вперед, веря в то, что это последний шаг, что дальше не пойдет, но вновь делал следующий шаг.

Последние метры он прошел как в трансе. Он пришел в себя только тогда, когда увидел перед собой знакомый силуэт «Редберда», выпуклый бок корабля при ясном свете луны походил на брюхо гигантской рыбы, голубизной отдавал блеск серебристого покрытия судна, широко расставленные, массивные лапы шести амортизаторов бросали на скалу густую тень в виде клетки. У него вновь появились силы, и он стал тащить Торнтона вверх по металлической лесенке. Он минут десять возился с беспомощным телом, прежде чем его втиснул в шлюз через наружный люк.

Округлая крышка захлопнулась за ними. Перри, поддерживая Торнтона, навалился на стену спиной, стараясь восстановить дыхание. Над люком зажглась небольшая зеленая лампочка, сообщившая о том, что крышка закрыта герметично, воздух с шипением начал наполнять камеру; стрелка на приборе, показывающем давление, ползла вверх. Перри почувствовал как у него быстро расслабляются мышцы от ощущения безопасности, счастья возвращения, ослабления психического напряжения. Тихо раскрылись двери, ведущие внутрь корабля. Он наклонился, поднял Торнтона, и скорее поволок его чем понес, преодолевая тот небольшой участок коридора, который отделял шлюз от навигаторской.

Он только сейчас понял, в каком диком напряжении он был. Он стоял в центре освещенной кабины, которую изучил настолько, что он спокойно мог по ней передвигаться на ощупь в полнейшей темноте. За прошедшие полтора десятка часов здесь ничего не изменилось: ни само помещение, залитое ярким светом ламп, не дающих теней, ни окрашенные в пастельные цвета стены и лестница, ни пульт управления, на котором спокойно светились диски и стрелки приборов. Все выглядело так, как обычно, словно и ничего не произошло за это время, даже больше — вообще ничего не должно было случиться. Страшная ночь чужой планеты оста-

лась только на экранах, она уже не пугала, отторгнутая светом, отгороженная двойной броней космолета.

* * *

Он очень осторожно положил своего друга на полу, покрытом пеноплитом. Едва ли он смог бы его отнести в другое помещение. Он стоял перед ним на коленях, не в состоянии уже больше нормально стоять. Чувство, что он находится в безопасности разрасталось в нем, отбирая последние остатки сил, которые в нем еще оставались. Он оперся на руки и стал стоять на четвереньках, как животное, ощущая как его начинает сотрясать неудержимая дрожь, поднимавшаяся откуда-то изнутри, и с которой он никак не мог совладать. Он дрожал и содрогался, спазматически всхлипывая. Но вдруг все это прошло, так же неожиданно, как и началось до этого, осталось только огромное удивление, что он однако смог, нашел в себе достаточно сил, стойкости и самоотверженности, чтобы добраться с Торнтоном до корабля.

Однако сквозь это удивление в нем возрастало и беспокойство. Что-то он еще должен был сделать именно сейчас, сразу же, и нельзя ему было терять времени. Он покрутил головой, на сколько ему позволял скафандр, у него было единственное желание—чтобы эта настойчивая мысль перестала его мучить. Он же добрался до корабля, следовательно имел право отдохнуть. Но мысль не уступала, он понял, перебарывая нечеловеческую усталость, что это еще не конец, что он без промедления должен заняться Торнтоном.

Он заставил себя действовать. Он оторвал руки от гладкого покрытия пола, отбросил в сторону шлем и начал стаскивать с себя скафандр. Наконец, освободившись от этого ненужного костюма, он вновь склонился над Торнтоном. Он осторожно раскрыл замки шлема, который затем осторожно снял с раненого; голова друга беспомощно упала на пол. Торнтон был очень бледен, его глаза были закрыты, вокруг глаз были глубокие тени, густые и темные волосы слиплись от пота, который поблескивал по всей коже. От носа через щеку шла полоска засохшей крови.

Перри как-то неловко снимал с Торнтона скафандр трясущимися руками, и довольно долго. Торнтон хрипло вздохнул, при выдохе на губах у него появилась розовая пена, что сильно испугало Перри, который в панике начал искать пульс. Пульс сдва ощущался, часто пропадал, хотя возможно это сам Перри толком не мог его найти, нервно двигающимися руками. Он весь взмок от страха, прежде чем нашел этот пульс. Пульс был. Слабый, неравномерный, но однако был. Чувствуя под пальцами пульс, Перри начал успокаиваться. Он уже знал, что должен делать.

Он поднялся, снял со стеки ётетку, вынул из неё из последней секции состав под номером семь и, слишком поспешно ломая кончики слегка надпиленных ампул, травмируя при этом себе руки, вколол Торнтону большую дозу стимулятора. Раненый начал дышать уже без всхрапывания и более или менее ровно. Пульс на обнаженной шее стал более заметным, и сейчас отпала необходимость отыскивать этот пульс. «Он сильнее и выносливее меня» — бормотал с мольбою в голосе Перри, словно пытаясь этой фразой призвать судьбу на выручку. Затем он добавил, собирая в кулак все свое мужество и надежду одновременно: «Может выживет. Может как-нибудь выкарабкается».

Он вытер кровь с лица друга, и подождал еще с минуту — кровь по-прежнему пульсировала по голубой жилке. Уже успокоившись, он сделал и себе укол из состава веществ под номером один. Собственно этим его медицинские способности ограничивались, но это уже не имело никакого значения. Космолет оборудован высококлассной медицинской аппаратурой с отличной автоматической операционной и электронными диагностическими приборами. На «Редберде» не нужен был врач, чтобы сделать перевязку или провести небольшую операцию. Даже с клинической смертью аппараты были способны справиться.

Укол сделал свое дело — Перри собрался с мыслями, пропала усталость, думал он совершенно ясно и трезво. Он уже не сомневался в том, что сможет спасти Торнтона. В конце концов в его распоряжении был еще гипернатор, и если даже операцию невозможно будет провести, то он его погрузит в анабиоз и доставит на Землю. Если будет необходимость, то земные хирурги смогут заменить любой поврежденный орган.

Программы для медицинской аппаратуры должны были находиться у Торнтона. Перри быстро поднялся, настроившись полностью перетряхнуть кабину своего напарника. Находясь уже в дверях, он обернулся и внимательно взглянул на раненого. Тот застонал, перевернулся лежащую на полу голову и снова неподвижно замер. Теперь он дышал глубоко и почти ровно. Перри подумал, что он его может оставить без присмотра на несколько минут, которые необходимы для поиска программ и включения аппаратуры.

Жилые помещения примыкали вплотную к навигаторской кабине, и Перри нужно было пройти расстояние равное ширине коридора. В небольшой кабине Торнтона, удивительно похожей на его собственную, был как всегда исключительный порядок, книга была спрятана в стене, книги плотно стояли на полках. На поверхности письменного столика не было ничего лишнего за исключением

лампы, аппарат для просмотра микрофильмов и портативный диктофон. Как обычно Перри был поражен эмоциональной стерильностью помещения, которая была скорее следствием отсутствия мелких предметов, которые появляются в помещениях, где долго живут люди, и которые свидетельствуют об определенных привычках и пристрастиях этих людей, да и об определенных чертах характера. Он посмотрел вокруг: кругом был свет, отражающийся от блестящих плит, из которых были сделаны стены, поблескивали никелированные поручни, и везде ослепительная чистота. Это помещение больше походило на пустую лабораторию чем на жилую каюту.

Он выдвинул первый ящик и начал торопливо выбрасывать содержимое на стол. В течение минуты стол был весь завален: листы бумаги и карточки с расчетами, мотки перфоленты, фотографмы, заметки написанные таким хорошо знакомым почерком, с которым он ежедневно сталкивался в бортовом журнале. Теперь все содержимое ящика громоздилось на столе перед его глазами. Однако там он программы не обнаружил. Он взялся за другой ящик, из которого также начал вынимать содержимое. Все увеличивающаяся куча вещей и материалов уже едва умещалась на столе. Он нетерпеливо сдвинул диктофон в сторону, освобождая дополнительную площадь на столе. Однако движение оказалось излишне резким и черная коробка полетела на пол, раздался сухой треск, диктофон захрипел, в нем что-то раза два щелкнуло и вдруг в кабину ворвался четкий, спокойный голос Торнтона. Перри быстро наклонился, намереваясь его поднять, но неожиданно замер, потрясенный словами, которые лились из диктофона.

— ...исключается вероятность встречи в космосе следов жизни, а тем более следов каких-либо разумных существ. Сделанные наблюдения еще раз подтверждают вывод Вайсса-Бартона: Земля единственная планета, на которой возникла жизнь, BX-16 не является исключением из правил...

Он ничего не понимал, стоял оглушенный, с опущенными руками, не в состоянии сдвинуться с места или глубоко вздохнуть. Он пропустил несколько предложений, смысл которых до него не дошел. Затем вновь послышались слова, насторожившие его:

— ...что на всем протяжении подтверждает теорию патологического развития Земли. Тест ОЕР-8, исследования системой ЕН-16, а также системой ЕН-16/1 дали негативные результаты. Правда не удалось установить характер помех, которые глушат радиоволны, но ничто не свидетельствует о том, что вокруг BX-16 существует звуковой барьер искусственного происхождения. Согласно инструкции АТАН-15/729...

Это походило на какой-то частично зашифрованный доклад, подготовленный для сообщения на Землю. Космическому Совету? Управлению Космических исследований? «А почему я об этом ничего не знаю?» — подумал Перри. Он еще не все понимал, но того, о чём он начинал еще только-только подозревать, вполне хватило, чтобы он весь покрылся холодным потом. Он чувствовал как щекочащая струйка сбегает вниз по щеке. То, что он услышал, было почти вне его понимания, однако одно было бесспорным: где-то на Земле проводились уже долгое время исследования, результаты которых свидетельствовали о том, что Космос абсолютно мертв, а Контакт просто невозможен.

«Это неправда, — с отчаянием подумал он, противореча сам себе, пытаясь убедить себя в обратном. — Если бы все именно так было, то давно бы уже отказались от полетов, не строили бы межзвездных кораблей, не готовили бы новых пилотов для межгалактических перелетов. Да и не направляли бы экипажи с целью установления Контакта...».

— Обобщая сказанное: исследования подтверждают, что жизнь в космосе не существует. Земля — это единственный патологический случай, не имеющий аналогов. Гипотеза, что BX-16 могла бы оказаться населенной, не подтвердилась, сама планета не является исключением из общих правил. Теория, что эту планету посетили разумные существа из еще неисследованного Центра Галактики, не находит своего подтверждения. Контакт с другой цивилизацией продолжает оставаться утопией. Дальнейшие действия согласно инструкции СО6/18...

Он был оглушен, ему казалось, что его кто-то очень сильно ударил ниже пояса. Он наклонился, поднял диктофон, продолжая прислушиваться к равнодушно звучащему с магнитофонной ленты голосу. Ему пришла в голову мысль, что Гэлэктик-Нэйви и все человечество были впутаны в какой-то ужасный обман, механизмов которого он еще не понимал, он скорее чувствовал обман, но в чем он заключается определить не мог. Он стиснул влажные руки на коробке диктофона. Больше всего его пугало какое-то непонятное участие Торнтона во всем этом. «Конец доклада», — в этот самый момент произнес голос, который был у него в руках, а затем, как бы переводя дух, тот же самый хорошо знакомый голос произнес:

— С борта специального разведывательного корабля «Редберд» передавал сообщение Торнтон, киборг класса А, опознавательный номер 1647, учетный номер в Управлении Космических исследований В-8-142...

Он еще подумал, что это все ему послышалось. Но то слово у него очень ясно всплыло в памяти, которая записала его как на магнитофонную ленту. И тогда его охватил ужас. В голове крутились мысли: «Это невозможно, Торнтон — киборг? У меня наверное галлюцинации. Усталость, нервное напряжение, а теперь еще и нервный срыв. Наверное, слуховой обман, а может я даже схожу с ума...».

Он влажными от пота пальцами нажал на обратную перемычку ленты, чтобы еще раз прослушать весь доклад, действительно ли он там записан. Вдруг он понял: то, что слышал, — правда. Рука у него сползла с выключателя диктофона, словно уже знала то, что еще не дошло до самого Перри. Он постепенно все вспоминал: начальный период на Земле, свою недоверчивость и инстинктивную неприязнь к человеку, у которого на рукаве из черной кожи знак в виде небольшого зеленого треугольника. Волнение при слове «Стражник». А потом и то, что когда его просто удивляло или заставляло задуматься, начало складываться теперь в одно целое: прямо-таки нечеловеческая устойчивость, отсутствие каких-либо воспоминаний детства и юности, три факультета и «знаешь, мое обучение проходило по специальной программе...». Спокойствие и уравновешенность в любых ситуациях и при любых обстоятельствах, которым он так поражался, принимая это за проявление потрясающей воли, самоконтроля, умение в совершенстве владеть собой. Все эти, вроде бы мелкие особенности, теперь логически выстраивались в одну цепочку. Но вопреки логике Перри пытался оттолкнуть от себя этот вывод, не желая поверить в реальность, считая, что это вполне вероятно, но невозможно, и из горла у него готов был уже вырваться крик, вой, который, у него вырвался, когда он увидел падающего Торнтона.

Его качало, он вынужден был опереться на поверхность столика. Очень осторожно, преодолевая сопротивление его одеревеневшего тела, он начал поворачиваться в сторону выхода из кабины. У него появилось желание, до конца еще неосмысленное, убежать отсюда куда угодно, как будто покинув это помещение, он защитит себя от этой новости, выбросит ее из памяти, перечеркнет ее как нечто нереальное. И вдруг застыл. В открытых дверях, смертельно бледный, со следами крови на одежде стоял Торнтон.

— Ты не должен был этого делать, Перри... — сказал он тихо.

Он провел ладонью по лицу, как уставший человек. Как человек... Перри вновь услышал внутри себя те слова, в которые он не хотел поверить, от которых он защищался:

«Торнтон, киборг класса А, опознавательный номер...». Тот все еще стоял в открытых дверях, опершись рукой на раму, его слегка

качало, видимо он был еще сильно слаб. «Это невозможно, — думал охваченный паникой Перри. — У него кровь бежит точно так же как и у меня, от потери крови у него наступает слабость, точно так же, как если бы подобное произошло со мной...». Те слова были слишком ужасны, чтобы быть правдой. Он ждал, что может быть Торнтон как-то будет их отрицать, что-нибудь объяснит... Но он их подтвердил, не сознавая, что для Перри это открытие все еще носит сомнительный характер, что для Перри то, что он услышал, не является неопровергимым доказательством, было окончательным выводом. По-прежнему стоя в дверях, он внимательно посмотрел на предметы, выброшенные из ящиков на стол, взглянул на диктофон, спросил тихо, бесцветным голосом, в котором не было ни беспокойства, ни злости:

— С какого момента ты начал меня подозревать, Перри?

Не ожидая ответа, вопрос был задан не столько, чтобы получить ответ, сколько обобщением своих собственных наблюдений. Он сунул руку в боковой карман, и Перри заметил, что Торнтон оттуда вынимает какой-то предмет. Своею черную тонкую кожу одежды выступали суставы с силой сжатых пальцев. Он вновь заговорил тем же самым равнодушным голосом, в котором не слышалось и капли ненависти:

— Ты мне не оставил другого выхода. Я должен тебя убить, капитан Карей.

Перри смотрел на него, затаив дыхание. Он был слишком шокирован, чтобы испугаться. То, что он услышал, ему казалось продолжением этих бредовых галлюцинаций. Продолжая смотреть в это смуглое, так хорошо знакомое лицо; он бессмысленно подумал, — бессмысленность всегда легче принять чем действительность — что может быть их двое: один Торнтон — его друг, товарищ, а другой — киборг, у которого лицо и фигура, спокойные движения, манера говорить первого... Ему казалось, что вот-вот настоящий Торнтон появится за спиной киборга, и почти в это уже поверил, защищаясь от действительности, что Торнтон один в своем роде, и он — не человек. Что Торнтон — это тот, кто стоит в дверях, равнодушно произносящий слова, словно все было обычным и понятным, а не кошмаром, которого он, Перри, не может еще понять, хотя он вновь слышал те же слова, что и до этого момента, очень выразительно произнесенные:

— Я действительно должен тебя убить, Перри.

Едва заметное движение — и в худой руке Торнтона уже торчит странный предмет, немного похожий на анигилятор: короткий вороненый ствол, спусковой крючок, маленькое черное отверстие...

— Не двигайся, делай то, что я тебе скажу. При первом же резком движении стреляю.

Перри неподвижно стоял, совершенно отупев от происходящего. Торнтона даже необязательно было предупреждать, он и так не был в состоянии что-либо сделать.

— Положи диктофон, а затем подними руки вверх и убери их за голову. Только спокойно. Не пытайся меня застать врасплох, я в три раза быстрее тебя. И в три раза сильнее тебя. Согнешь тебе об этом помнить все время...

Он помнил. Один раз уже столкнулся с той страшной силой, тогда, при управлении кораблем, когда хотел спасти сам корабль и своего товарища ценой собственной жизни и когда Торnton не дал ему довести до конца задуманное. Вспоминая как тот легко убрал его руки с рычагов, Перри понял, что ему с ним не справиться. Только ему все еще было трудно поверить, что все это происходит на самом деле. Он стоял как парализованный, беспомощный даже заставить себя выполнить приказ Торнтона. Он вновь подумал: «Это невозможно, со мной ничего подобного не могло произойти». Но постепенно он начинал понимать, что это его самозащита едва ли может оказаться полезной. Потому что все, что произошло, все, что происходит — самая настоящая реальность.

— Делай, что я тебе сказал. Быстрее.

Он почувствовал какое-то неестественное спокойствие, что было результатом этой абсурдной ситуации, а абсурдные ситуации ведут за собой, как правило, парадоксальные реакции. Он повернулся, положил диктофон на стол, на то же самое место, откуда, тот упал — минуту назад? — час назад? — и медленно передвигаясь, как во сне, вновь посмотрел на Торнтона. Круглос отверстие той странной штуки, которая была у того в руке, неизменно находилась на уровне сердца Перри. У него появилось бессмысличное в подобной ситуации, беспричинное любопытство, словно тот предмет, который был в руке, был самой важной вещью в данный момент.

— Что это, Торнтон?

— Не сходи с ума, Перри. Без колебаний буду стрелять.

— Анигилятор?

— Нет. Не будь смешным, я не хочу повредить корабль. Если уже тебе очень хочется знать, то это очень старое оружие, из двадцатого века. Названия ты его не знаешь, да и ничего не объяснишь. Поражает на расстоянии, так же хорошо как лазер или анигилятор. Во всяком случае на расстоянии, на котором ты от

Меня находишься. Ну, ладно, хватит... Руки за голову, я тебе скажал!

Послушался, он очень медленно поднял руки, они казались ему ужасно тяжелыми. Они смотрели друг на друга в глухом молчании, затем Торnton сделал малозаметное движение рукой, в которой находилось оружие, приглашая Перри выйти. Перри безвольно направился в сторону дверей. Тот сделал полшага назад, опираясь спиной о дверную раму, чтобы пропустить перед собой Перри, который проходя мимо Торнтона, посмотрел в его серо-серебристые глаза, поблескивающие твердым и холодным блеском металлических опилок.

Свет в навигаторской ему показался излишне ярким, хотя лампы светили как обычно. Он прикрыл глаза, а когда их открыл, то вокруг ламп он видел радужные круги, только тогда, когда он проморгался, круги перед глазами пропали. Он стоял неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию, учащенному биению собственного сердца, которое все еще неутомимо качало кровь по венам. Очень медленно провел глазами по светящимся циферблатам приборов и пульсирующим лампочкам аппаратов: стрелка алтиметра спокойно стояла на нуле, контрольные лампочки радиационных генераторов слегка светились, датчики топлива показывали «фул¹», луч радара спокойно бегал по экрану. «Значит, он здесь все хочет обделать», — подумал Перри, стараясь себя убедить в том, что тот его убьет без колебаний. Он вдруг почувствовал отвратительный и липкий непривычный страх при мысли о такой смерти. Был испуган как животное, но он не хотел умирать как животное, он только боялся, ничего не понимая. Посмотрел на Торнтона, и, обращаясь к тому человеческому, что еще может быть возможно у Торнтона, произнес:

— Торнтон. Пойми. Я не хочу просто так умереть, не зная даже почему...

Видимо слова задели у того какую-то черту, которая была общая для них: разумное понимание мира, потому что, Торнтон стал всматриваться в него с какой-то осторожной сосредоточенностью.

— А ты действительно уверен, что это тебе нужно знать? — спросил он. — Вы, люди, не всегда способные безболезненно перенести правду. Тебе потом может быть... труднее.

— Нужно.

Торнтон помолчал, как бы раздумывая, возможно и ему надо было разрешить некоторые проблемы, и он не до конца был автоматом. Перри даже подумал, что Торнтон, возможно, иногда испытывает чувство сомнения.

— Хорошо. Но у тебя мало времени. Тебе нужно торопиться. —

Он ныискось пересек кабину. Даже когда он шел, то это он так делал, что Перри все время был в его поле зрения, и на линии поражения из оружия. Его собственный серебристый скафандр лежал брошенный на полу. Торnton равнодушно перешагнул через эту тонкую пустую оболочку, которая внешне напоминала распятого на полу человека. Обернулся и встал спиной к мигающим лампочкам.

— Садись, — толкнул ногой кресло в сторону Перри, а сам присел на край пульта управления, все это он сделал легко, свободно и элегантно, как обычно, — можешь опустить руки.

Он совсем не походил на больного, на нем не было никаких следов падения, истощения и полученных повреждений. «Ну, конечно, это же не человек», — думал Перри, наконец-то соглашаясь с тем, что Торnton действительно не человек.

— Садись, — повторил тот, и это прозвучало скорее не как приглашение, а как приказ, оружие по-прежнему было у него в руке. — О чем бы ты хотел меня спросить?

Прищурив глаза, так как свет бил в лицо, посмотрел на Торнтона. Он начал говорить тихо и совершенно спокойно, и это внешнее спокойство, на которое он оказался способен, вызвало у него грустную радость.

— Как стало возможным, что ты являешься киборгом, Торnton? Тебя же обследовали там, в Центре Космической Медицины. Ты же... у тебя все органы как у человека, ты ж устроен точно так же, как и я сам...

Он ничего не мог с собой поделать, в его словах проэвучала надежда, словно бы он просил Торнтона отрицать очевидные факты. Торnton в молчании присматривался к нему, было ощущение, что он удивляется этой особенности человеческого мозга, удивляется тому, как это можно сомневаться в том, что очевидно. Наблюдая за Перри, он видимо заметил, что свет ослепляет команда-ра корабля, поэтому передвинул лампу с холодной и равнодушной услужливостью, за его спиной остался только черный экран. Торnton начал свою речь:

— Вы, люди, совершаете одну и ту же ошибку: представляете себе киборга как какое-то создание по крайней мере наполовину состоящего из конденсаторов и проводов... Что же, и такие тоже встречаются. Но в моем случае была использована биологическая субстанция, такая же самая, из которой строится любой человеческий организм. Мои органы точно такие же как и твои, только в них была внесена определенная корректировка, изменены были некоторые свойства человеческой природы. Эти мои большие чем у человека устойчивость и выносливость, позволяют мне

регулировать их некоторые функции, подчинять свое тело на уровне, недоступном для вас...

— Хорошо, но это, тогда значит, что по сути ты такой же как и я сам. Только что, твой организм более совершенен... Чтобы быть человеческим, совсем неважно как ты родился и как действует твое тело. Следовательно, между нами нет никакой разницы, кроме названий.

Торnton наклонил набок голову, и смотрел на него ничего не выражавшими глазами, Перри только сейчас осознал насколько у того были красивы глаза: почти серебристые радужные оболочки, с переливающимися где-то под их гладкой поверхностью скрытым светом, удивительно светлые при таких черных ресницах и под прекрасными слегка заросшими бровями. Наконец, словно увидев то, что хотел увидеть, он решительно произнес:

— Ты ошибаешься, Перри. Различия между нами есть и немалые. Я тебе потом объясню. Пока достаточно того, что ты делаешь ошибку, пытаясь найти во мне... что-то человеческое.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Ты же меня спрашивал. Ты же хотел узнать, но если ты передумал, то могу прекратить этот разговор.

— Нет. Продолжай.

— Договорились. Так значит, от человека я довольно заметно отличаюсь. Принципиальное различие заключается в том, что ты всегда действуешь по собственной воле, я же — всегда по определенной программе.

— Не... не понимаю.

— Это же очень просто. — Слегка улыбнулся он, даже этой короткой едва заметной улыбки хватило, чтобы блеснули красивые, ровные белые зубы «Как это я мог не заметить, что он слишком совершенен, что он не мог быть создан природой при ее случайных и хаотических процессах эволюции? — удивился Перри. — Это эта красота могла быть кем-то запланированной одновременно с таким устойчивым и удивительно легким телом?» Теперь он уже верил в то, что перед ним киборг, у него уже не было никаких сомнений на этот счет. Он посмотрел на Торнтона: тот вновь был сосредоточен. Торnton, акцентируя внимание на своих словах, сказал:

— Видишь ли, такие как я, существуют для того, чтобы защитить человечество. Мы были созданы потому, что в какой-то момент стало ясно, что необходимо существо почти совершенного типа, которое могло бы быть защитником, стражником.

Это было таким удивительным и неожиданным, что был даже подавлен тот страх перед смертью. С трудом проглотив слону, спросил низким, хриплым, почти чужим голосом:

— Защищать нас? От чего?

— Значит, так ничего и не понял? — В этом вопросе не было и капли удивления. Торнтон не задумывался, даже не пробовал анализировать то, что для него могло показаться какой-то слабостью, недостатком функционирования разума Перри. Может он пришел к выводу, что не такой уж точный, в конце концов, случайно в процессе эволюции образованный, познавательный аппарат человека действует намного хуже и значительно более медленнее, чем его собственный. А может, все проще, многолетнее общение с людьми, мыслящими существами не такими как он сам, приучило его равнодушно принимать их бессмысленные, с его точки зрения, вопросы, потому, не проявляя ни малейшего нетерпения, продолжил ответ. — От правды. От познания того, что для вас познать сверх ваших сил.

— И эта правда заключается в том... что Контакт невозможен. Что космос пуст и мертв...

— Да. Этот вывод, на вас действует как... нет, не могу найти никакого сравнения. Вспомни свои собственные реакции часов пятнадцать назад, когда ты на мгновение потерял веру в Контакт. Вас пугает мысль, что в этом огромном космосе вы можете оказаться совершенно одинокими. Чувствуете себя приданными, оставшимися в полном одиночестве, и вам это кажется невыносимым: и пустота, и одиночество...

— Хорошо. Но это еще не доказывает...

— Да. Потому что это еще не все. Самое худшее — это осознание этого факта, а раз так, то дальнейшее существование вида гомо сапиенс начинает терять смысл.

— Почему?

— Сейчас объясню. Вы, люди, чтобы существовать, должны любой ценой как-то это существование объяснить. И это с самого начала, с того момента, когда человек начал думать. Поиск цели, определив которую, можно ответить на вопрос «зачем?», а на этот вопрос ответа просто нет. У вас никогда не было смелости признаться в этом, или хотя бы согласиться с этим, всю свою жизнь убивая на поиск целей, реализация которых могла бы обосновать ваше появление и существование.

Он замолчал, словно что-то ожидая, но Перри также молчал, и Торнтон тогда продолжил:

— Вашей целью поочередно были: и идея равенства и справедливости для всех, и уничтожение границ, и создание одного огром-

ромного Общества Земли, в котором бы не было войны, подлости и несправедливости. И это вам удалось. Удалось вам и переломить кризис общества и народного хозяйства. Его преодоление ставило перед вами задачи, которых хватило на целых два века в масштабах целой планеты. Вы освоили моря и океаны, обводнили все пустыни Земли, изменили климат, растопили обе полярные шапки. Земли вам было уже мало, тогда вы пошли дальше, вначале решили колонизировать всю Солнечную систему. А когда и это удалось, вплоть до Юпитера, и стало ясно, что подчинение Сатурна, Урана и оставшихся трех планет это вопрос времени, вам вдруг стало чего-то не хватать, а не хватать вам стало того, за что можно было бы еще бороться, чего еще можно было пожелать.

Легко вздохнув, не прерывая речи, Перри его завороженно слушал, он забыл, где находится, от его внимания ускользнула невероятность не только этого разговора, но и предшествующих ему обстоятельств, он даже не замечал оружия в руке Торнтона, который продолжал говорить:

— Вы воспыдали желанием достичь звезд, найти там, в их системах, существ, похожих на вас, чтобы с их помощью захватить всю Галактику. Вы с ума сходили по какой-то Конференции Разумных Существ, а вашей целью был весь космос. Вы поверили в то, что вклад человека во вселенскую цивилизацию также необходим, целесообразен и ожидаем, что его участие в галактическом сообществе является чем-то важным и необходимым, что он именно для того вылез впервые из древнего океана, чтобы гомо сапиенс мог заседать в Межгалактическом Совете, или как он там будет называться... Я не издеваюсь, Перри, некоторые именно так все представляли. И, конечно же, я знаю, что не все впали в эту мегаломанию... Но для всех установление Контакта было не только самым важным делом, но и было целью, которая смогла бы стать смыслом вашего существования, двигателем всех ваших начинаний...

Он вновь глубоко вздохнул и вновь продолжил речь, очень спокойно, словно бы он делал доклад:

— Все это со временем оказалось по меньшей мере сомнительным. Вы посыпали космические зонты и корабли с экипажами, передавали какие-то свои сигналы на частоте межзвездного водорода, но вам никто не отвечал. Вы теряли надежды, вы вдруг заметили, что человек — это существо, у которого нет никаких перспектив, прикованное к собственному Солнцу. Существо приговorenное к одиночеству, к исчезновению, и именно потому, что увязли в Солнечной системе навсегда, в лучшем случае, до тех

пор, пока Солнце не исчерпает всех своих запасов водорода, превращаясь из звезды, несущей жизнь, в звезду, несущую смерть... Вы пришли к выводу, что дальше идти уже нельзя, большего уже достичь невозможно. Все, что вам осталось, это только мелкие, маловажные, слишком легко решаемые дела, для реализации которых необходимо только время, ничего больше...

Он обо всем этом говорил словно о чем-то привычном; в равнодушно звучащем голосе было что-то отталкивающее, но в то же время было что-то вызывающее доверие. Перри понимал, что у Торнтона есть сила, которой человек не смог бы понять, не имеющая ничего общего с его физической силой. Он вновь ощутил старый страх и недоверие, которые всегда вызывали у человека Стражник, но теперь эти чувства у него были значительно сильнее чем обычно, и теперь они были вполне объяснимы. У него не было много времени, чтобы задуматься над этим, так как Торнтон все еще говорил:

— Стало ясным, что невозможность Контакта и есть тот непреодолимый барьер, о который в конце концов разобьется существующая с момента зарождения человечества экспансия человека... Человек был, есть и остается навсегда одиноким, а это означает, что ваш вид не имеет перед собой неограниченных перспектив, что в скором времени дойдет до конца своих возможностей...

Откинув голову назад, прислонил к стене и немного сверху смотрел на Перри, прищурив глаза. Он говорил медленно, и от его слов, а не от тона голоса, веяло издевкой:

— Вы многое достигли, собственно говоря, почти всего, что было возможно достигнуть, и — наконец, вы должны сейчас просто довольствоваться тем, что у вас есть, что смогли добыть, не тратя время на бесплодные поиски новых целей... Но вы всегда беспокойны, у вас всегда будет жажда чего-то большего... Вам всегда будет мало и вы никогда не сможете согласиться с теми фактами, что нет уже того, за что нужно бороться, нечего уже добывать, что не существует уже никаких «больше» и «далее», словно бы ваша главная цель — это стремление к недостижимым делам. Но когда цели пропадают, то перед вами образуется пустота, которую вы не можете перенести, перед которой вы будете защищаться даже ложью...

Все, о чем говорил Торнтон, было ужасным, но в то же время правдой, чем-то знакомым для Перри. У Карея было такое ощущение, что как будто он всегда об этом знал, словно это у него уже долгое время было где-то в подсознании, и только страх делал невозможным определить все то, что самым грубым образом выясняли слова Торнтона.

— И вы старались не верить, скорее даже доказать, что все иначе; потому что это чисто человеческая черта: верить в невозможное, в то, чего желаешь... Попытки спасения имели большие масштабы по сравнению с проводимыми когда-то исследованиями, человечество ввело себя в заблуждение, пытаясь опровергнуть теорию о том, что жизни в космосе нет. Было создано Управление Космических Исследований. Вновь стала проводиться работа, которая была почти заброшена, но ее результаты были отличными от результатов, которые ожидали. Эта работа неопровергимо доказала, что во Вселенной нет никаких разумных существ, которые могли бы ответить человечеству, стать его партнерами, или хотя бы врагами, и что эта дорога раз и навсегда закрыта.

— И тогда было решено...

— Да. Верховный Совет Земли, а может Космический Совет, точно я не знаю, постановил это все скрыть, окружить ореолом таинственности, создать иллюзию, что Контакт возможен. Он труден, требующий многих десятков, а может и сотен лет попыток, самоотверженности, но все таки возможен. Было решено, что вопреки действительности оставить людям эту надежду...

Перри молчал, и Торnton, после некоторого раздумья, а может ожидания вопроса, снова начал говорить:

— Поэтому-то человечество, впрочем при нашей помощи, будет еще долго верить в Контакт, объясняя каждое сомнение как доказательство реализации своих мечтаний...

Он замолчал, на этот раз его молчание было более долгим, словно он вновь о чем-то размышляет, подбирает нужные слова. Когда он отозвался, то взгляд у него стал очень осторожным и более сосредоточенным, чем до этого момента.

— Я в начале говорил, что мы, Стражники, защищаем вас от знаний, которых вы не желаете иметь, от правды, которая вам не по зубам. Это, наверное, так и должно быть, чтобы у людей всегда были иллюзии, и кто-то должен охранять тайну, кто мог её спокойно выдержать, на кого она не могла произвести какого-либо впечатления... Следовательно, для этого и были созданы такие как я, которым можно доверить эту правду...

Торnton, словно чего-то ожидая опять замолчал, молчание в кабине становилось все более напряженным. Перри боялся пошевелиться, он неподвижно сидел в своем кресле, чувствуя как у него внутри разрастается какая-то пустота, а одновременно — и беспокойство, ожидание, которое уже невозможно было перенести, словно в этот момент, вот-вот он должен услышать то, что в их разговоре не прозвучало, самое страшное... Он тихо заговорил, страшась нарушить это молчание:

— Торnton... и тебя... и таких как ты... действительно это все не пугает? У тебя не просыпается чувство безнадежности?

— Нет, Перри. У меня никогда не бывает никаких чувств.

* * *

Он подумал, что-то прослушал, что-то недопонял. Он сидел по-прежнему неподвижно, только на верхней губе появилось ощущение похожее на щекотку, она словно бы теряла чувствительность. Во рту почувствовал сухость, и когда он отзывался, то и голос был каким-то сухим, каким-то чужим, скрипучим, напряженным до предела:

— Как... как это невозможно? Ведь и ты же существо... на-гражденное разумом..?

— Ограничивающее напряжение, сам знаешь. Поэтому я, обладаю точно таким же мозгом как и человек, и, согласно ваших оценок, интеллектом более высоким, чем каждый из вас, я не испытываю таких состояний как вы.

— Не... не понимаю.

— Это же довольно просто. Нам привиты определенные черты, ну если хочешь, свойства Одним из них является невосприимчивость в таких ситуациях, которые для человека бывают... трудными. Я тебе говорил уже о различиях между мной и тобой, Стражником и человеком. А это самая важная: мои создатели как-то не запланировали, что я должен иметь чувства подобные страху или отчаянию, беспокойству или радости. Даже большие: создателями они были сознательно исключены. Следовательно, я лишен сферы, которую вы называете психикой...

Это действительно было невыносимо. Перри услышал свой собственный крик, прежде чем осознал, что он кричит, а не говорит:

— Нет... Торnton! Значит ты... ты никогда ничего... не чувствуешь? И не можешь?

— Да. Это правильные слова. Не могу.

На мгновение он замолчал, только уже не чувствовалось никакого колебания, возможно он искал слова, которыми мог лучше бы объяснить. Перри не смотрел на него, не мог. То, что услышал, казалось невероятным, но таким реальным, раз создание, которое находилось перед ним, не было человеком, то оно не могло чувствовать как человек. Только он сам не хотел до настоящей минуты принимать этого во внимание, он не принимал этой мысли, даже сейчас питая иллюзии, хотя мог предвидеть, что тот скажет ему сейчас:

— Это не так уж и удивительно, как тебе кажется Перри. Это так обычно, можно даже сказать, тривиально. Эту тайну необходимо сторожить любыми путями, не допуская того, чтобы хотя бы

тень неуверенности пала на людей. Защищать любой ценой, даже в ущерб делам, которое ты бы, наверняка, назвал... нечеловеческим. Это Задание. Для меня. Для любого биокиборга. Поэтому у каждого из нас закодирован приказ: убить человека, который хотя бы даже случайно узнает правду...

Перри почувствовал, как у него начала подергиваться мышца на щеке. Не мог с этим справиться, поэтому он сидел с судорожно дергающимся лицом, вслушиваясь в спокойный, ровный голос Торнтона:

— И чтобы никогда не было никаких сомнений в том, что приказ будет выполнен, во всех случаях, несмотря на обстоятельства, которые могут возникнуть, что этому поручению не будут мешать никакие процессы в психике... программу составляют так, чтобы не было никаких колебаний, никаких моральных барьеров, тем самым лишая Стражников типичных человеческих чувств. Прежде всего тех, которые вы называете высшими: жалости и доброты, способности любить, верности, дружбы...

— Нет!

Он не смог удержаться, чтобы не воскликнуть, уж слишком ужасным было то, что он услышал, самым худшим из всего того, что до этого слышал, самым страшным. Он смотрел: знакомый наклон головы, очень уж человеческая мимика лица... Невозможно, чтобы перед ним был робот, биологический автомат, совершенно неспособный ощущать самые слабые человеческие чувства. Он искал в глазах Торнтона подтверждения того, что это неправда, но не нашел. Вновь услышал его голос:

...но также: возможность чувствовать гнев или ожесточение, ненависть или жестокость. Физически я человек, такой же как и ты, только более сильный и более приспособленный ко всяkim неожиданностям, но принципиально это ничего не меняет. Одновременно я и не совсем человек, если речь идет о чувствах, рефлексах, неуправляемых разумом, которыми так часто руководствуется человек...

Во второй раз, во время этого разговора, Перри чувствовал, что он теряет сознание, как после мощного, оглушительного удара. Он взглянул на свои руки — они не дрожали, но в этом он не был уверен, они могли начать дрожать в любую минуту. Он сильно сцепил пальцы так, что побелели суставы, ладони сунул между колен, теперь руки были неподвижны и не смогут выдать Перри. Бессцветным монотонным голосом спросил:

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Чтобы ты понял, что я тебя должен убить. И что я это сделаю. И это не пустая угроза. Не могу и не хочу, потому что во

И не нет ничего, что могло бы меня заставить отказаться от этого действия, поступать иным образом.

То, предыдущее чувство постепенно у него проходило, уступая место огромному удивлению. Только сейчас он начал понимать все то, что услышал, а это означало не только, что тот в нужный момент его равнодушно убьет, но и то, что никакой дружбы между ними никогда не было и не могло быть, что все свои попытки найти у Торнтона хоть какие-то человеческие чувства напрасны. У него было ощущение, что горло сжимают спазмы, он с трудом сглотнул слюну, но это не помогло, голос по-прежнему звучал сухо и хрипло:

— Торнтон... Я... же на этой планете один... как и ты. Во всяком случае я единственное живое существо, которое хоть чем-то, но на тебя похоже. И еще: разве все то, что мы вместе с тобой... эти последние годы... для тебя вообще не имеют никакого значения?

— Нет. Пойми: ты делаешь ошибку, пытаясь отыскать у меня человеческие черты характера, стараясь оценивать мои действия, мотивы моих поступков с обычной для тебя человеческой точки зрения. Попробуй понять, что между нами нет ничего общего. Возможно, человек не смог бы убить товарища, с которым его связывают какие-то общие переживания. Возможно, если бы я к некоторым вещам относился как ты, то в течении этих нескольких лет, ты стал бы для меня кем-то близким. Но именно это и хотели исключить мои работодатели. Мне очень неприятно. Эта фраза, конечно же, для меня ничего не значит, у меня нет чувства, которое вы называете неприятностью. Просто я выучил и использую тогда, когда вы ее обычно применяете, я же при ее произнесении вообще ничего не чувствую. Но, мне неприятно, Перри, но я должен выполнить свое задание. И выполню, не колеблясь. Для того я существую. Видишь ли, это было очень удобно, создать мыслящее орудие, абсолютно послушное, не чувствующее ни беспокойства, ни сомнения, исполняющее все, что могло бы упасть тяжелым бременем на совесть людей...

Ошеломление проходило очень долго, но вслушиваясь в слова кийборга, Перри вдруг подумал, что здесь что-то было не так. Несмотря на внешне железную логику слов Торнтона, факты однако их не подтверждали. Он молча, находясь в сильнейшем напряжении смотрел на лицо Торнтона: те же самые глаза — серебристые и светлые при свете голубоватых электрических разрядов, которые он видел на том выступе на скале, когда Торнтон пришел к нему с помощью; но автомат был ему тогда не помог, даже если этот автомат биологическая машина, которая действует только исключи-

чительно по программе, для того, чтобы сделать то, что сделал тогда Торнтон, необходимо было нечто большее, чем просто программа. Он почти с триумфом заявил:

— Ты врешь, Торнтон. Если бы у тебя не было чувств, как ты хочешь меня убедить... ты бы не стал спускаться за мной, там на перевале. Ну-ка вспомни, Тор. Кислород у тебя кончался, но ты тем не менее спустился за мной...

Ему показалось, что на том лице отразилось какое-то колебание: в глазах киборга мигнул какой-то серебристый свет, Торнтон молчал, словно над чем-то задумался, словно его застали врасплох и его реакция была чисто человеческая. Но это все скорее всего было иллюзией, потому что тот тотчас же ответил почти нетерпеливо, со злостью, с трудом сдерживаемой нетерпеливостью.

— Нет, Перри. Не пытайся себя обмануть. Я абсолютно не впечатлителен, и мной управляют не чувственные импульсы. И еще — я совершенно аморален. Это тоже преследовало человечество, когда создавало такие безотказные автоматы. Я никогда не задаю себе вопросов типа: хорошо это или плохо, благородно или нет. Некоторые вопросы, решаемые человеком, зависят от так называемой... этики, она же для меня не имеет никакого значения. То, что я должен сделать, я оцниваю согласно одного единственного критерия — целесообразно это или нет. Тогда, на скале, было целесообразным спасти тебя, рискуя даже собственной жизнью. Но теперь ситуация изменилась, сейчас целесообразно убить тебя.

Постепенно Перри начинал верить во все это. У него все больше и больше появлялось убеждение, что перед ним действительно существо, способное исполнить любой приказ, который был бы в него введен. Страшное тем, что так похоже на человека, способное к логическому, человеческому мышлению, действиям внешне похожим на человеческие. Одновременно с этим пониманием всего происходящего и связанного с Торнтоном, к нему вернулся хладный и липкий страх, инстинктивный, непреодолимый страх перед смертью. Перед несуществованием, перед болью, перед агонией — перед всем тем, что для человека является чем-то самым окончательным, страшным и неизвестным, чего нельзя избежать, от чего нельзя защититься. Он иногда думал об этом, что придет когда-то, будет неожиданной и быстрой, какой бывает смерть в космосе. Он никогда не задумывался над тем будет ли он ее бояться или нет, зная о том, что здесь страх не играет никакой роли, что невзирая на страх, он будет бороться до конца, сделает все от него зависящее. Но никогда не думал, что не будет никакой борьбы и смерть придет от руки его же товарища. Что он будет вот так вот ждать, не

имея ни малейшего шанса на спасение. Он посмотрел в равнодушное, ничего не выражавшее лицо Торнтона, потом сказал:

— Ты чудовище, Торнтон.

— Я? — Тот поднял высоко красивые брови, выражая крайнее удивление. «Он же не может по-настоящему удивляться, этот автомат». — Ты, Перри, не логичен. Я такой, каким меня сделали люди. Именно такой, каким меня придумали... Когда-то человечеству нужен был Друг, приучили собаку. Сейчас сй нужен был Исполнитель. Оно создало киборга.

— Ты нас ненавидишь?

— Я не могу ненавидеть. Ты забываешь, что я не обладаю ни одним из ваших чувств. Следовательно у меня нет и ненависти.

Он наклонил голову и некоторое время молчал, словно прислушиваясь к себе, к собственному телу. Когда он поднял голову, то Перри показалось, что у Торнтона в глазах мелькнуло беспокойство, но он, наверное, ошибался, так как Торнтон продолжал свою монотонную речь, и ему было неважно слушает его кто-то или нет, словно все, что он говорил, он говорил только для себя:

— Ты меня назвал чудовищем... Может это действительно так... Но не забывай, что человек создавая таких как я, использовал знания о самом себе, и он не мог мне дать чего-либо, чего у него нет самого... — Он тихо и безрадостно засмеялся, глаза смотревшие на Перри оставались все такими же равнодушными, в них не было и капли насмешки. Даже больше: те черты, которые он посчитал самыми важными и удачными, он усилил у меня. Отказываясь от всего того, что могло быть слабостью, что посчитал несовершенством...

— И это тебя развлекает?

— Нет. Меня, как видишь, обучили этому мышечному рефлексу, который называется улыбкой, но в меня не вложили чувство юмора. Видимо оно тоже не было нужно. Я привык смеяться и улыбаться тогда, когда обычно так поступает человек в подобных ситуациях, точно также движениями мышц я выражаю другие чувства, какие владели бы человеком в других ситуациях. Если это тебя раздражает, то я могу отказаться вообще от какой-либо мимики. Но я тебя уверяю, что мое неподвижное лицо, вообще невыносимо для людей... — Он вопросительно посмотрел на Перри, но раз тот молчал, то он продолжил свой монолог как ни в чем не бывало: — Так, значит, апелляция к моим каким-то чувствам напрасна, точно также заранее были исключены все попытки со мною справиться иным способом. Если бы было иначе, то это бы означало ущербность программы, или то, что я не очень хороши

не способен исполнить всего того, для чего я и был сконструирован...

Перри уже не слушал дальше. Он вдруг очень остро почувствовал, что этот разговор для него закончится смертью. Что тот в соответствующий момент без жалости и без ненависти исполнит свой приказ и выстрелит в него, словно это самая обычная вещь на свете. Он впервые подумал, что надо же как-то защищаться, что надо бороться. Он не знал как это претворить, но уже воля к жизни перебарывала в нем ощеломление от всего прошедшего, от всего того, о чем он узнал за последние часы. Прищурив глаза, он смотрел на Торнтона, который вновь замкнулся в себе, ствол оружия был опущен вниз, создалось впечатление, что Торнтон забыл обо всем на свете. Перри, почувствовал неизвестный ранее в себе холодок, подумал: «Это же не человек». И сразу же, все еще ощущая холод на лбу и щеках, с неожиданно леденящими ожесточением и ненавистью подумал: «Я убью его». Мысли были четкими, страха не было. «Во всяком случае попробую. Нужно убедиться, действительно уж это так невозможно. Это лучше, чем просто ждать, что он со мной сделает. Есть все таки хоть какой-то шанс, использовать эту минуту, пока он задумался. Прыгнуть, выбить оружие... Если буду достаточно быстро действовать...».

— Нет, — тихо и спокойно сказал Торнтон, как будто читал мысли Перри. — Ты не успеешь.

Они смотрели друг другу в глаза. В глазах Торнтона не было жестокости, они были как всегда равнодушные и сосредоточенные. «Нечловеческие», — впервые о них подумал Перри. Он смотрел на него с напряженным вниманием. Лицо, которое было перед ним, стало другим, словно с него была сброшена маска. Но это не сам Торнтон изменил лицо, оно стало по-другому выглядеть в глазах Перри, оно было таким каким и хотел его видеть командир корабля. Каждый день в течение последних лет из слов и манеры поведения Торнтона он создавал для себя образ друга, объясняя каждое свое сомнение в пользу своих ожиданий и належд. «У меня же все время в руках было столько данных, что я его мог расшифровать в любую минуту, — почти равнодушно, со спокойным удивлением подумал Перри. — Данных было достаточно для того, кто захотел бы логично думать, делать правильные выводы на основе своих личных наблюдений». Как он был смешон. Желание с кем-нибудь дружить, чисто человеческая черта, в его положении более сильное чем у других, усиленное многолетним одиночеством, обмануло его, подвело лишь только потому, что он сам хотел быть обманут, подсознательно сам себя вводил в заблуждение. В мягкой тишине, прерываемой только щелканьем приборов,

он вдруг услышал свой собственный смех. Он пытался его сдержать, но не мог, продолжал смеяться, обстреливаемый равнодушными глазами Торнтона, он смеялся долго, пока этот смех не стих так же неожиданно, как и начался.

С минуту неподвижно сидел, прислушиваясь к спокойным голосам приборов, и время от времени поглядывал на лицо Торнтона, на которое он впервые взглянул с другой стороны, лицо новое и чужое, но в то же время такое ужасно знакомое. Он вызывающим тоном произнес:

— У меня же нет никаких шансов, не правда ли? — он уже владел своим голосом, в котором уже не слышались ни страх, ни истерия. — О том, чтобы у меня не оставалось никаких шансов, с самого начала, с первого дня в Гэлэктик-Нэйви, вы все уже беспокоились: и ты, и Управление Космических Исследований, и другие неизвестные мне лица, которые являются вашими душеприказчиками и которые именем тебя мне прислали в качестве помощника... — Провел языком по сухим губам и добавил с трудом сдерживаемой яростью: — Одного не понимаю, зачем я вам был нужен? Мог и один полететь. Или еще взять кого-нибудь с собой подобного тебе...

— ...киборга. Нет. Считалось, что эта планета могла оказаться как Земля, исключением из общих правил. Сигналы, которые мы получили... Каким-то непонятным образом пробились сквозь информационный барьер, через который не могли пробиться наши сигналы, барьер, окружающий BX-16. Они могли быть посланы какой-нибудь цивилизацией... Контакт не исключался... Поэтому ты был необходим. Так как если бы экспедиция встретилась с разумными существами, то Контакт с ними мог установить только ты, а не я и никто другой...

— Почему именно я?

— Предполагали, что они, как и человек, будут продуктом эволюции, естественного развития. Потому что сомнительно, что разум, развившийся таким путем, не может быть лишенным чувств. Такой вид умственной деятельности может быть развит только искусственным путем... Из этого следовало, что ты на них похож, конечно, психическими чертами. Для того, чтобы два существа поняли друг друга, они должны обладать одинаковыми чувствами: и отчаянием, и надеждой, любовью и ненавистью, жалостью, сочувствием, злостью... Поэтому-то вторым членом экипажа должен был стать человек.

— Которого, если Контакт окажется невозможным, можно будет попросту убить.

— Нет. Ты вернулся бы вместе со мной, если бы не трогал мой диктофон. Теперь уже поздно... ты слишком много знаешь...

По его лицу мелькнула какая-то тень, что-то вроде следов усталости, которая проявилась в виде едва заметного кривления губ, которое ускользнуло бы от внимания Перри, если бы он не смотрел внимательно в лицо Торнтона, с прежним неослабным вниманием. Перри заявил Торнтону:

— Врешь. Правда в том, что с самого начала я был вами приговорен.

Та тень усталости, похожая на тень пролетевшей птицы, исчезла без следов, видимо киборг волевым усилием взял себя в руки. В голосе Торнтона, когда он начал повторять ранее сказанное, также не было слышно усталости:

— Нет. Ты бы вернулся вместе со мной с какой-нибудь новой легендой о примитивных формах жизни еще на одной планете, легендой, которых напридумывали целое множество, например, об открытии Арконы...

— И это тоже...? Ну, да, конечно... И ты все время думаешь, что я тебе поверю? Я должен был полстеть, посмотреть на эту совершенно мертвую планету, убедиться в том, что на ней никогда не было никакой жизни, а затем вернуться, представляя все время определенную угрозу до тех пор, пока буду жить, потому что откуда у вас были бы гарантии, что я буду молчать о том, что увидел? Скорее, это должно было случиться на Земле... Торжественная встреча вернувшихся из космоса, а потом какой-нибудь несчастный случай... Может с каким-нибудь приспособлением, машиной, которая была сконструирована и которой человек, подобный мне, задержавшийся в своем развитии от Земного прогресса на целых двести лет, который еще не успел восполнить недостаток своих знаний гипнотическим обучением, или как оно там будет называться, — не смог с ней обойтись нужным образом. Это, или еще что-нибудь подобное... Так, Торнтон?

— Зачем? — В глазах киборга не было ни злости, ни сочувствия. Он сказал о серьезной вещи: — Забываешь о возможности стирания памяти.

Перри вздрогнул — холодный, скользкий страх начал расползаться у него в груди: значит, то, что используется для преступников как высшая мера наказания, приготовлена для него... Он всегда думал, что лучше умереть, чем знать, что будет существовать только тело, именно тело, которое было тобой с самого момента рождения, но все, что составляет неповторимость человека, его чувства, мысли, память и личность — умрет. Потом уже, когда страх немножко прошел, неожиданно подумал, что это, пожалуй, не

возможно. «Потому что что-то остается, что-то такое, что будет отражать мою суть, и в дальнейшем я буду я. Может у человека существует какая-то частичка, недоступная, не поддающаяся уничтожению». Эта песчинка надежды создавала впечатление, что психическая смерть — это нечто менее ужасное чем биологическое уничтожение, эта вера заставила посмотреть Перри по-другому на самую ужасную идею, какую только выдвинуло человечество, теперь эта идея ему казалась благословенной особенно в тот момент, когда его ожидала другая крайность.

— Это уже невозможно, — тихо сказал Торнтон, словно вновь у него прочитал мысли. — Пойми, я должен был бы за тобой тогда следить. Держать на мушке до самого момента гибернации...

— Он замолчал и коротко кашлянул, как будто чем-то подавился. Затем закончил: — Может это и было бы выполнимой задачей, если бы я не был ранен... Но у меня приказ, совсем недвусмысленный: убить. Я, Перри, не могу отказаться выполнить приказ...

Перри не ответил. Он вдруг увидел себя и Торнтона как бы со стороны: они сидят друг против друга, спокойно разговаривают до определенного момента, когда один из них наконец решится застрелить другого. Он подумал, что обычный человек давно бы уже это сделал, а не дискутировал бы холодно и равнодушно с кем-то, кого он должен через минуту убить. Чтобы так поступать, надо быть киборгом и больше никем, киборгом, лишенным воображения, способности догадываться, что чувствует человек, который должен умереть. Он мог бы это назвать ужасной и изощренной жестокостью, если бы не понимал, что создание подобное Торнтону лишено беспокойства и страха, но не способно понимать, даже предполагать какие мучения он доставляет человеку. И, понимая это, он теперь его ненавидел, как ненавидят любую чужую и грозную силу, но в то же время отыскивая способы спасения.

* * *

Ему казалось, что за тонкой перегородкой между кабиной и коридором уже в течении немалого времени раздавался равномерный топот; слышно было как приближаются шаги какого-то очень тяжелого существа. На этот раз шаги стали более четкими, шлепающие звуки постепенно приближались со стороны кормы. На корабле были только они вдвоем, значит это был робот, один из обслуживающих корабль автоматов, снабженный лазером. «Он мог бы мне помочь, — подумал Перри, — если бы я смог его вызвать. Двери открываются внутрь кабины, они между мной и Торнтоном, когда автомат войдет, то на минуту меня прикроет. Тогда я дам ему приказ применить лазер».

У него пересохло во рту, мышцы под кожей напряглись, ладони стали от пота влажными, если чуть-чуть повезет, то тогда ему удастся реализовать свой план. Он начал говорить, да сму и не было важным что-либо говорить конкретное, ему надо только было отвлечь внимание противника не столько от этих шагов, сколько от самого себя, потому что Торнтон тоже отлично слышал топот, а молчание могло только насторожить киборга:

— Я это уже слышал, Торнтон. — Одна из кнопок, зажигающих аварийный световой сигнал над дверью, находилась недалеко от него, в нескольких сантиметрах от его ступни. С учащенно бьющимся сердцем, Перри начал очень медленно передвигать ногу, стараясь, чтобы это движение выглядело естественным, словно у него нога онемела, и он ее хотел выпрямить. — По крайней мере повторяешь в третий раз, что ты должен выполнить приказ. Может, ты ищешь какие-то оправдания?

— Оправдания? — Тот смотрел на него с таким выражением лица, которое было ужасно естественным, как у человека, выражением удивления. — Нет. Конечно, нет... Я же говорил тебе: я аморален. Следовательно, мне нет нужды в том, чтобы ты поверил, что все, с чем ты сталкиваешься, ты обязан таким как ты... Людям. Не мне.

— Насколько я понял... — Перри говорил спокойно, почти в тоне светской беседы, хотя был весь мокрый от пота, который из него выжимали эмоции: шаги робота медленно приближались, через минуту он будет возле дверей... Наконец носком ботинка он нащупал эту малозаметную выпуклость, теперь оставалось только нажать...

— Убью, — тихо и равнодушно сказал Торнтон, — тотчас же убью, если ты это сделаешь.

— У тебя и так есть это намерение, — почти беззвучно прошептал Перри, только лишь одним движением пересохших губ.

— Но так ты раньше погибнешь. А это, наверное, имеет для тебя какое-то значение. Вы, люди с удивительной настойчивостью цепляетесь за жизнь...

Напряженные до предела, они смотрели друг на друга в глухом молчании, которое полностью заполняло кабину словно какая-то материальная субстанция. Шаги очень медленно приблизились к дверям, прошли мимо нее и начали удаляться. Торнтон вдруг заметно расслабился, что было очень хорошо видно, хотя он не сделал ни одного движения, ни одного жеста. Он даже дышал по-прежнему ровно и тихо как и минуту назад, у него только пропало напряжение в мышцах.

— Ты выиграл... Торнтон. Ты оказался более быстрым чем я...

— Я всегда такой. Так меня сконструировали, чтобы человек при столкновении со мной не имел никаких шансов. А теперь, Перри, убери ногу и передвинься немного влево. Так, достаточно.

Рука Торнтона, в которой тот держал оружие слегка опустилась, Перри даже не заметил в какой момент, Торнтон ее до этого поднял. Они оба молчали, потом киборг сказал очень спокойно, словно они и не прерывали разговор:

— Я слишком совершенен, чтобы ты смог со мной справиться, я уже тебе раньше об этом говорил... — А потом тише добавил, что, несмотря ни на что, звучало как оправдание: — Действующий безошибочно, лишенный совести, слепо выполняющий приказы... Таким хотели меня видеть мои создатели. И таким меня создали...

Он вновь закашлял, только кашель уже был довольно продолжительным. У него на губах появилась кровь, он медленно поднял левую руку, вытер тыльной стороной ладони, скорее даже светло-красную пену, потом посмотрел на нее с каким-то спокойным удивлением. Правую руку он держал по-прежнему, направив оружие на Перри.

«Это невозможно, — в отчаянии думал Перри. — Должен же быть какой-то выход. Если не в действиях, то хотя бы в этом разговоре Он же разумное существо, и логически правильно построенные аргументы доходят до него». Он обратился к Торнтону:

— Ты умрешь, Торнтон. — Старался говорить так, чтобы его голос звучал равнодушно, чтобы в нем не было отголосков его внутренних чувств. — Ты врач, и поэтому знаешь лучше меня. — Он шел в банк и не ошибся, Торнтон не протестовал и молчаливо принял его слова, как бы подтверждая их правильность. — Ты ужасно устойчив, но этого даже для тебя хватило. Тебе действительно плохо. Час назад еще можно было тебя спасти, — продолжал блефовать Перри, сообщая новости, о которых и сам не знал, но видимо он правильно угадал настоящее положение вещей. — А теперь уже слишком поздно. Ты отлично знаешь, что для тебя остался один единственный выход: подвергнуться анабиозу и проснуться на Земле, где могли бы сделать тебе операцию... Но для этого тебе нужен напарник, который сможет осуществить старт корабля и направить его по правильному курсу. Если ты меня убьешь, то тоже умрешь. Инстинкта самосохранения у тебя тоже нет?

Торнтон молчал, Перри показалось, что на этот раз он попал в цель. Но это ощущение недолго длилось, Торнтон вывел его из заблуждения, начав говорить прежним холодным и равнодушным голосом, словно то, о чем он говорил, касалось кого-то совершенно постороннего:

— Нет, конечно, у меня есть инстинкт самосохранения. Иначе я не мог бы себя защищать от излишнего и слишком быстро наступающего... утомления. Только оно намного слабее, чем тот приоритет беспрекословного подчинения приказам... Ты удивлен, но ты снова забываешь, что это особенности моей конструкции, или если хочешь моей программы. Я был изготовлен для выполнения определенного задания...

— И это в тебе более сильнее, чем страх перед смертью?

Тот слегка улыбнулся. Эта улыбка уже сама по себе была ужасна, так как известно было, что эта улыбка всего лишь результат сокращения мышц, и в ней не было ни радости, ни даже иронии. Торнтон ответил:

— Я не боюсь смерти, страх — это чисто человеческое чувство. Я знаю, что я перестану существовать, исчезает мое сознание, и все будет так, как погружаешься в анабиоз или спишь. Только на этот раз не будет никакого пробуждения. У меня есть некоторые связи в мозгу, которые приказывают защищаться, противодействовать... но до определенного предела... У меня нет выбора, я не могу спасать себя даже ценой отказа от выполнения задания, что является моей основной обязанностью...

Он замолчал, теперь он уже тяжело дышал, как будто не говорил, а бежал. Только через некоторое время он смог продолжить:

— То, что для тебя не выполнимо, я могу сделать без труда, но некоторые решения, исходящие от тебя, для меня не могут являться альтернативой. В подобных ситуациях я всегда должен поступить так, как это было заранее определено...

Не ожидая когда закончит Торнтон, Перри начал говорить, решительно, с тупым отчаянным упрямством:

— Хорошо. Но ты совершенно забыл об одном: тебя и меня направили на эту планету с четко определенной программой. Если же ты должен строго подчиняться любой ценой приказам, то у тебя нет права уничтожать нас обоих. Если мы оба погибнем, то корабль не доберется до Земли. Задание, связанное с этой экспедицией, не будет выполнено.

На этот раз Торнтон без колебаний ответил сразу же, с привычной для него уверенностью в голосе:

— Не всем приказам, Перри. Есть только один приказ, от выполнения которого я отказаться не могу, в таких делах мне выбора не оставили. Впрочем, я сделал все, что от меня зависело: я передал свой доклад, может быть он как-нибудь пробьется сквозь зону помех, может его хотя бы частично прочитают... А если нет... То направят другую экспедицию. Кто-нибудь когда-нибудь повтор-

рит наши исследования и вернется на Землю. Тогда задание будет полностью выполненным.

Логика его рассуждений была железной, в них не было никакой бреши, никакой щелочки, сквозь которые можно было заронить в них что-то типа неуверенности, сомнений, что могло поколебать его решение. Несмотря на это, Перри вновь попытался разбить его логику, обращаясь к самому последнему аргументу, какой у него еще оставался, хотя собственно и не верил в его эффективность:

— Торnton, задумайся над одной вещью — там, на Земле, с момента нашего старта прошло девяносто лет. Откуда ты знаешь, что за это время не нашли доказательств, что в космосе существует жизнь, а то, что скрывали от людей до сегодняшнего момента, почти в течение ста лет, не оказалось фальшивой гипотезой? А это бы означало, что мы оба: ты и я — погибли напрасно...

Он надеялся, что Торnton начнет колебаться, может задуматься, но и на этот раз ошибся, потому что ответ прозвучал так же уверенно как и прежде:

— Не думаю. Исследования проводились долго и тщательно. Существование жизни в космосе исключено. Даже если бы ты оказался прав, то это не моя вина, а программы. Моя программа не предусматривает никакой корректировки с поправкой на время. Истечение времени и вероятные изменения в мышлении тех людей на Земле не могут повлиять на то, что я должен сейчас сделать. Даже, признавая твою правоту, я не могу противодействовать тому, что заложено во мне в качестве приоритета моих действий. Это выше меня, я не могу это опровергнуть, точно так же как я не могу отказаться исполнить приказ...

Собственно все уже было сказано, и дальнейшее продолжение разговора явилось бы только повторением вопросов и ответов, которые уже прозвучали. Они молча сидели друг против друга. И, Перри посматривая на короткий вороненый ствол оружия, подумал, что наверное осталось не так уж много времени. Торnton повернул голову, он вновь прислушивался к себе, густая тень утомления уже густым слоем села на его лицо, в виде горестного кривления кончиков губ.

— Я должен торопиться, Перри... — сказал он тихо. — Мне много еще нужно сделать, прежде чем... Если ты хочешь еще что-нибудь узнать, спрашивай...

Он взглянул в лицо Торtona; только сейчас заметил как изменилось оно за последние часы: черты худого лица резко обострились от усталости и болезни. Торnton был очень бледен, над верхней губой и между темных бровей поблескивали капельки по-

та. Но рука, в которой было оружие, по-прежнему не дрожала, в ней чувствовалась прежняя уверенность, как и вначале разговора. «Он не такой как я, — напомнил себе Перри, стараясь отогнать от себя сочувствие, которое он начал испытывать к Торнтону при виде его изможденного лица, потому что раны и боль от них будут давить на Торнтона, точно так же как и на любого человека, — он будет действовать до тех пор, пока не закончится программа. А программа приказывает: «Убить».

Ослабление противника предоставляло хоть какую-то возможность спастись Он еще не знал какую возможность, он только понимал, что для того, чтобы выиграть время, он должен что-то говорить. Пока будет продолжаться их сумасшедший разговор, который ни к чему не ведет, ничего не решает, может что-нибудь произойти, какое-нибудь непредвиденное стеченье обстоятельств, невнимательность Торнтона... Я любой ценой должен продолжать этот разговор. Но он не знал как найти подходящую тему, чтобы Торнтон не сориентировался, что он просто тянет время. Он нервно искал эту тему, но не находил.

К его огромному удивлению, киборг сам ему помог в этом. Он словно бы не понимал, что время работает против него, или был уверен в том, что может еще немного потратить время на разговор. Он стоял, вслушиваясь в себя и может быть определил, что у него еще достаточно времени. Торнтон начал задумчиво и неторопливо говорить:

— Видишь ли, Перри, твои аргументы бессильны, что-либо изменить, точно также бессмысленно обращаться к моим чувствам, моей этике — ко всему тому, чего у меня просто нет... Я хотел бы, чтобы ты перестал метаться, чтобы ты понял, что мы оказались в безвыходной ситуации — и ты, и я. Я, потому что моя программа заставляет меня тебя убить. Ты, потому что у тебя оказался партнер, который является слишком совершенным существом, которого ты мог бы победить или хотя бы перехитрить, или застать врасплох, в крайнем случае переубедить. Я знаю, что ты думаешь, что во всем этом заложена огромная несправедливость. Потому что все это время ты относился ко мне, как говорят люди, по-доброму. С самого первого дня, когда ты смог преодолеть свой страх и отвращение, которые ощущают люди, сталкиваясь со Стражником... И потом, в Центре Космической Медицины, выступая против Мартина, когда он пытался прикончить меня на этих своих гравираторах. Он единственный, кто меня расшифровал, он был чертовски близок к правде.. Если бы он руководствовался только чистой логикой, а не антипатией, он быстро бы пришел к выводу, что ни один человек не смог бы выдержать то, что выдержал я... — Пер-

ри его удивленно слушал, не понимая к чёму тот клонит, зачем он все это говорит. — Ну, ладно, хватит об этом... Дело все в том, что ты, наверное, думаешь сейчас, что если бы ты все то, что... сделал для меня... ты сделал для какого-нибудь животного... то это животное было бы хотя бы.... немного благодарно...

Перри рванулся вперед, это было самое худшее, что мог еще услышать. Стиснув зубы он резко сказал:

— Прекрати.

— Почему? Мне это не доставляет неприятностей, меня это никаким образом не может задеть, обидеть или унизить, потому что эти чувства мне неизвестны... Так как я уже сказал, что ты ко мне относился не только по-доброму... Ты мне спас жизнь несколько часов назад, хотя мог оставить меня там, среди камней, и правильно бы сделал, если бы ты меня там бросил, для себя по крайней мере...

Он на минуту замолчал, Перри подумал, что хоть об этом ему не надо было напоминать, напоминать о всех тех минутах, о всем времени его наивной веры, жалких и слепых поисках ни к чему не ведущих, не надо было холодно и равнодушно перетряхивать все, что было между ними. Но Торnton уже продолжал говорить, с каким-то ожесточением и непонятным упрямством, словно он хотел этими словами сообщить больше информации, чем ее содержали эти же самые слова:

— Даже собака была бы тебе благодарна, и даже человек не смог бы поднять на тебя руку. Только, как видишь, я и этого чувства был лишен. По тем же самым причинам, как и всех других чувств, а может только потому, что и у моих создателей не было его в избытке, и могли они мне дать только то, чем обладали сами, что формировало их собственные черты... Поэтому я не могу быть благодарным, и все, что ты сделал, сделал как бы напрасно...

— А я и не рассчитывал на твою благодарность. — Перри говорил с трудом, сквозь стиснутые зубы, он помнил те минуты на стене, когда он спускался за Торntonом, совсем не думая, что может за этим последовать. Разговор об этом ему казался почти изdevательством, не умышленным, но тем не менее болезненным. — Ты этого не поймешь, но я тогда... вообще от тебя ничего не ожидал. Так что не о чем говорить.

— Но сейчас...

— Прошу тебя, замолчи.

Торnton повернул голову и стал изучающе на него смотреть, было похоже на то, что он хотел что-то сказать Перри, но потом отказался от этой мысли. Он только произнес:

— Извини меня, — и мгновение спустя, — я не хотел тебя обидеть...

— Знаю. — Перри сейчас чувствовал огромнейшую усталость, которая обезоруживала его, из-за которой он перестал ненавидеть, даже перестал бояться Торнтона. — Ты же... не жестокий, в человеческом смысле слова. Это не твоя вина, что ты... так был сконструирован.

— «Что ты запрограммированная машина», так ты хотел сказать. Да, я действительно всесторонне совершенная биологическая машина, к которой... ты так неудачно... привязался...

— Я сказал, замолчи.

— Хорошо. Я, видишь ли, не всегда знаю, когда могу тебя задеть. У меня это получается неосознанно, я не все твои чувства могу себе представить... Тебе стало бы легче, если бы я сказал, что если бы все зависело от меня, если бы я мог предвидеть, то сделал бы все, чтобы предотвратить такой конец нашей экспедиции?

— Я тебя не понимаю...

Очи Торнтона были по-прежнему серого цвета и внимательными, но впервые в них не было прежнего блеска, они были сейчас как холодный металл, на который осел пар от выдыхаемого воздуха, и поверхность металла стала из-за этого матовой. Тихо произнес:

— Понимаешь, возможно креационные процессы невозможны полностью контролировать... И может в моем мозге осталось что-то такое, чего мои создатели не предвидели, может какое-то небольшое отклонение от образцов, предусмотренных программой. Но это не означает, что мне... тебя жаль. Это уже был бы серьезный изъян, что делало бы невозможным использование меня для целей, ради которых я был сконструирован, привело к тому, что я стал бы... хуже, чем я сейчас есть. И это не означает, что я могу отказаться от исполнения приказа... — Он вновь возвращался к старой теме с каким-то усилием, с какой-то горячностью. Перри подумал, что если бы это не было так неправдоподобно, то можно было сказать, что Торnton сам себя старается в этом убедить.
— Вот просто так взял и захотел... Осторожно, Перри, я выстрелию! Значит, ты все-таки подумал...

Он ошибался, у Перри вообще не было никаких мыслей, он совершенно подсознательно сделал какое-то резкое движение, которое Торnton принял за попытку напасть или защититься. Он чувствовал себя еще более уставшим, снова сидел неподвижно и смотрел в лицо Торнтона, бледное с землистым оттенком, на котором все больше и больше выступал пот. Он чувствовал себя ка-

ким-то потерянным, он уже не находил у себя никаких сил, чтобы бороться за свою жизнь, которая становилась для него безразличной.

Молчание на этот раз сильно затянулось. В тишине кабины было слышно тяжелое и прерывистое дыхание киборга. «Слабеет», — подумал Перри. Может стоило еще немного протянуть время, когда он станет настолько слабым, что можно будет возобновить попытки его обезоружить, убить эту бездушную машину и тем самым спасти себя. Только он уже и сам не хотел. И не только потому, что он больше уже не верил в то, что это возможно, что тот мог допустить такую возможность. Он повернул голову и посмотрел на черные скалы залитые резким ртутным светом и хорошо видимые на экране. Он со страхом подумал о холодной пустоте космоса, о Земле, которая была удалена от них на расстоянии восьмидесяти пяти световых лет, на которой его никто не ждет, на которой у него нет ни близких, ни знакомых... Он уже почти поверил, что нашел хоть одного близкого человека, но это оказалось просто обман, иллюзией и ничем больше.

Он отвел глаза от мрачной поверхности экрана, Торnton незначительно шевельнулся под его взглядом, голова как и в начале разговора оказалась в зоне яркого света. Начал опять говорить низким, матовым, несколько хрипловатым голосом:

— Я сожалею, Перри... но это не может длиться до бесконечности... Ты готов? Некоторым людям... необходимо время, чтобы как-то сосредоточиться, подумать обо всем перед смертью. Если ты... также хотел бы... то я подожду.

Теперь он уже ничего не боялся. Оставалась только одна усталость. Усталость, за которой потом последует прекращение всех жизненных функций, биологического переваривания пищи, причем все это последует безболезненно, потому что Торnton все сделает так как надо, как он все делал ранее, тщательно и внимательно, потому что его программа не допускает ни малейшего отклонения. А это, следовательно, будет даже значительно более легким, чем сама жизнь, чем дальнейшее существование со всем тем, о чем он узнал. Он подумал, что ему еще одно осталось сделать, это вести себя перед смертью как человек, именно как человек... Суметь это принять с достоинством? — во всяком случае спокойно.

— Нет, мне не надо, — сказал Перри, отказываясь от тех минут, которые могли еще чуть-чуть продлить ему жизнь. — Не к чему мне это. Можешь заканчивать, Торnton.

Тот не ответил, он только кивнул головой. Перри видел как тот поднимает руку, держащую оружие; не спеша прицеливается, Перри даже подумал, что киборг это делает не умышленно, а только

хочет все сделать очень чистко и без ошибки, как и должно быть все сделано. На какое-то мгновение вернулся страх, в тот момент, когда он вспомнил, какое же это чудовище, которое стоит перед ним. Но потом и страх прошел, осталось только удивление той человеческой особенностью, которая была и силой его и слабостью, поиском близости дружбы, которые он искал там, где их вообще не могло быть. Он думал, что эта особенность и есть частичка той силы, которая заставляет верить человека в то, что где-то во вселенной есть другие разумные существа, песчинки жизни, которые способны страдать и смеяться, плакать, надеяться и отчаяваться, что их когда-нибудь найдут; сила, которая никогда не истощится, только лишь потому, что она существовала, существует и будет существовать. Он вдруг захотел все это рассказать Торнтону, но не успел: всплеск жидкого огня ослепил его и оглушил, и Перри закрыл глаза, чтобы не видеть темноты, которая должна была развернуться перед ним одновременно со вспышкой света, брызнувшего из оружия.

* * *

Он почувствовал мощный удар, а затем и боль в плече, острую, опускающуюся горячими волнами к пальцам руки. Он вскочил на ноги, не осознавая этого, так как он даже не знал когда открыл свои глаза. Он вдруг увидел, что Торнтон в двух шагах от него качается на полусогнутых ногах, которые под ним начали подкашливаться и киборг начал медленно опускаться на пол, скользя спиной по стене и пульте управления. Согнутые колени киборга прикоснулись к пенолитовому покрытию пола, оружие у него выпало из руки, беззвучно стукнувшись о мягкое покрытие. Он не-которое время стоял так на коленях с искаженным от боли лицом, которое блестело от пота и цветом напоминало свинец, а затем упал.

Перри был оглушен происшедшим, он стоял неподвижно, не в состоянии сделать какое-либо движение, лишенный мыслей. Все произошло слишком быстро, чтобы он мог в это поверить. Торнтон, опираясь на руки, пытался поднять голову, но не смог, руки под ним подогнулись и он вновь упал, задыхаясь от приступов хриплого и непрекращающегося кашля. Он стал отчанно метаться, со свистом втягивая в себя воздух, он повернул голову набок, и густая темная кровь брызнула из его рта, Торнтон замер. Он лежал так с минуту, затем его веки вздрогнули, медленно открываясь: серебряные как ртуть, упрямые, все еще живые глаза смотрели на Перри.

Перри сделал шаг вперед и встал на колени перед киборгом, не понимая зачем он это делает, собственно не зная, что будет де-

лать. Торнтон шевельнул головой⁴; и Перри показалось, что в раздужных оболочках того мелькнул скрытый, тихий триумф, когда Торнтон прохрипел:

— Значит... ты жив.

— Да, Торнтон. Ты... не выполнил приказ.

Киборг скривил губы в странной, непонятной усмешке и потом прошептал:

— Да, но... это уже не моя вина. Я... не отказался... Просто... мои создатели... не сделали меня... бессмертным.

Кровь вновь хлынула изо рта, погасив усмешку, которая еще какое-то время оставалась в светлых, широко раскрытых глазах. Трудно сказать над кем насмехался Торнтон, или над собой, или над Перри, а может над всеми теми, кто оставался на Земле, кто девяносто лет назад послал их сюда, отдал Торнтону этот зловещий приказ. На красивом лице Торнтона друг за другом пробегали свет и тень, словно это лицо дрожало. Перри теперь видел весь этот ужасный биологический процесс, который называется агония, страшный сам по себе, потому что тело Торнтона также подчинялось всем процессам природы, и то что сейчас происходило с телом было так же страшно и неумолимо как сама смерть. Агонизирующий Торнтон сейчас как никогда походил на человека, и Перри, глядя на него, совершенно забыл, что произошло между ними в течение последних часов. Он склонился над киборгом и поддерживал его голову. Торнтон судорожно хватал ртом воздух, его грудная клетка вздымалась в спазматическом напряжении, кровь, не переставая, текла из носа и уголков губ. Он кашлянул еще раз, хотел что-то сказать, но уже не мог, его губы только беззвучно шевелились. Перри еще наклонился к нему, но ничего не услышал. В этот момент голова лежащая на его коленях стала тяжелой. Он посмотрел на лицо Торнтона: оно было осунувшимся и сосредоточенным, глаза были неподвижными и остекленевшими — Торнтон был мертв.

Он убрал с колен мертвую голову и, все еще стоя на коленях на окровавленном полу, всматривался в побелевшее лицо. Лицо сохраняло свои прежние черты, слишком правильные, чтобы их мог иметь человек, те же самые слегка заросшие брови, которые всегда как бы удивленно поднимались наискосок, когда Торнтон смеялся, те же самые светлые глаза. Это был тот самый Торнтон, с которым он познакомился когда-то в зале Гэлэктик-Нэйви и с которым провел столько лет в закрытом герметичном помещении «Редберда», это были те же самые глаза, которые он видел над собой, когда висел на скальной стене. И сейчас он его не мог не ненавидеть, он мог только ненавидеть тех, которые создали Торнто-

на, тех безмозглых и жестоких творцов, принадлежащих к тому же самому виду, что и сам Перри, тех самозванных богов, носителем и проводником безумия которых, а также произведением и жертвой которых был Торnton.

И одновременно, глядя на это по-прежнему холодное и равнодушное лицо, как и при жизни, Перри понял, что больше всего страшило в этом киборге, это наличие у Торнтона некоторых человеческих черт. И хотя, именно человек делал свой выбор, создавая это существо путем отбора, он не мог не вложить тех черт, которыми он обладал сам, но вложив их, он создал существо, не имеющее ничего общего с человеком. Потому что человек вмещает в себя все: доброту и жестокость, фанатизм и терпимость, любовь и ненависть — он одновременно велик и беден. Именно все эти качества переплетенные, перепутанные между собой и составляют человека. Торnton был лишен человеческих слабостей, но именно поэтому он был орудием, слишком совершенным, но в то же время односторонним, из-за своих безошибочных действий, следовательно, он был неполноценным.

Он уже собрался было подняться, даже оторвал колени от пола, но вновь застыл. Он сидел на корточках, покачиваясь на пятках, пораженный неожиданной мыслью. Не так уж все было ясно, даже после всего того, что услышал... Он вспомнил едва заметную, мудрую, насмешливую улыбку: он подумал: «Я уже никогда не узнаю. Было два варианта: либо он просчитался и напрасно надеялся на свои силы, и за свое спасение я должен благодарить его величество Случай, либо он сознательно тянул время, чтобы не мог сам выполнить этот приказ соответствующим образом, и время он это четко рассчитал. Может он именно этого и хотел, когда начал стрелять, когда уже был очень слаб, чтобы точно выстрелить...».

Он еще подумал, что едва ли найдется такая вещь, которой бы он не отдал, чтобы знать правду, но он уже знал, что он ее никогда не узнает, и у него никогда не будет уверенности в тех выводах, которые он сделал. Он очень медленно поднялся и, стоя на нетвердых ногах, начал осматривать кабину: контрольные лампочки и табло приборов светились как обычно, словно ничего здесь не происходило, ничего не было, словно то, что здесь произошло не было чем-то таким уж важным. Он вдруг почувствовал себя страшно одиноким, и это чувство одиночества было, пожалуй, самым тяжелым чем когда-либо. Он был один на этой чертовой планете, лишенный не только присутствия хоть какого-нибудь существа, которое могло его хоть как-нибудь понять, но и лишенный иллюзии присутствия такого существа, которую создавал Торnton.

Он был один, от Земли его отделяла огромная холодная пустота, которую он должен преодолеть в полном одиночестве только для того, чтобы привезти людям знания, которые им не были нужны, от которых они защищались, которые им несли с собой чувство одиночества, точно такое же невыносимое, как и для него самого. Он чувствовал себя опустошенным и страшно разбитым. Не осознавая того, что он делает, он подошел к месту для пилота и тяжело опустился во вращающееся кресло возле рычагов управления. Оперев локти о пульт, по-прежнему сверкающий лампочками и табло приборов и покрытый белым лаком, уткнул лицо в ладони.

Он не знал сколько времени прошло с того момента, как он так неподвижно сел. Его привела в чувство боль в плече, простреленном Торntonом. Он медленно опустил руки, положив их на пульт перед собой, и, наклонившись вперед, начал медленно вставать. В расположенных перед ним темных экранах он увидел собственное отражение, слегка искаженное выпуклостью стекла. Не завершив до конца свой подъем из кресла, он застыл, глядываясь в свое собственное лицо: обычное, ничем не примечательное лицо обычного мужчины с голубыми глазами, с короткими ресницами, выцветшими бровями, лицо, которое бы быстро затерялось в толпе, которое не могло никого удивить или поразить. Он внимательно приглядывался к своему отражению, словно перед ним был какой-то чужой и совершенно ему безразличный предмет, который он видел впервые. Песочного цвета волосы на висках сильно поседели, в уголках глаз звездочками собрались морщинки, от носа к губам протянулись две глубокие прямые борозды, придавая выражение лицу в виде усталой грусти. И, глядя на это уставшее, малозапоминающееся лицо, подумал с сильным отчаянием, что все, что он сделал до сих пор, и все, что будет делать, никому не нужно, ни ему самому ни кому-либо другому, не имело и не имеет никакого значения, ни на что не годно. Все еще неподвижный, стараясь дышать спокойно и равномерно, хотя это ему уже давалось с трудом, он с грустью думал обо всем, о чем он узнал сегодня, считая, что его жизнь была потрачена напрасно и впустую, как одна сплошная полоса одиночества, совсем ненужного, которое он сам выбрал, пожелав стать пилотом, и это желание уже не казалось ему героическим поступком, оноказалось теперь жалким и смешным. Он был еще одним дураком, который посвятил всю свою жизнь тому, что придает человеческому существованию глубокое значение, бессмысленной идеи Контакта, так как вселенная мертвa, а Земля покрытая тонким слоем жизни словно плесенью — это исключение, что-то такое из ряда вон выходящее, чего не должно

вообще быть. И направлять людей в холодный молчаливый космос, в котором никто не хотел (а может, просто никто не мог) вступить с ним в диалог, ему теперь казалось невероятно жестоким. «Нет, нет — не то... Не жестокость — а отчаяние. Отчаянные попытки убежать от одиночества, отчаянные предложения в космос о дружбе, которые навсегда останутся без ответа. Ожидание ответа, который никогда не поступит». Угнетающее его одиночествоказалось ему еще более тяжелым, так как оно было умножено на одиночество всего его человеческого рода, потерянного на своей маленькой планетке в ледяной пустоте галактик. Эта слабость и одновременно сила, о которых он хотел рассказать Торнтону, перед тем, как тот нажмет на спусковой крючок, которые ему казались не уничтоженными, непреходящими ценностями, теперь обернулись против него самого. Перри подумал: «Если фактически больше никого не существует, к кому можно было бы обратиться, кому, может быть, на какой-то момент необходима... Тогда все напрасно... «И вдруг он пожалел о том, что Торнтон не смог, а может не захотел его убить, что он должен теперь со всем этим жить, что должен найти в себе силы, чтобы все это переносить день за днем, в одиночестве и страхе до самого неизвестного ему конца его собственного существования. В одиночестве и страхе... Он развернулся на кресле, оттолкнулся руками от подлокотников и встал; перед ним теперь был боковой экран, на котором расстилалась голая равнина. Очень четко были видны куски скальной породы, которые были расшвырены в разные стороны выхлопом производящего посадку «Редберда». В блеске невидимой на экранах ослепительно яркой луны каменные блоки отбрасывали длинные, черные тени, хорошо видимые края каменных глыб холодно и равнодушно блестели кристалликами льда, которыми их покрыла долгая морозная ночь.

Он должен что-то делать, привести в порядок кабину, заняться подготовкой к старту, но ему все это казалось каким-то малозначительным, неважным делом. Он не мог решиться, чтобы обернуться и посмотреть на лежащего в крови Торнтона, у него не было сил, чтобы помериться силами, противостоять еще одному своему поражению, которое было для него последним.

Он сделал шаг в сторону экрана. Он направлялся к экрану помимо своей воли, словно его притягивал сверкающий там свет, как притягивает свет лампы насекомое. И словно он хотел убежать, как можно дальше, от лежащего за его спиной товарища. Он вновь стал вглядываться в скалы, сверкающие острым ртутным светом. Он наклонился и смотрел на этот дикий, чужой пейзаж,

как будто хотел его запомнить перед своим отлетом, словно он его еще недостаточно изучил.

И тогда он увидел их. Два силуэта в отражающих свет космических скафандрах, двух приятелей, очень медленно сходящих вниз пологим склоном. Вернее шел один, второй же едва тащился, и первый его больше нес, чем сопровождал. Они исчезли в черной тени, и вновь показались, на этот раз уже значительно ближе, на краю плато. Их скафандры в потоке света начали блестеть еще сильнее, они с каждой минутой были все ближе и ближе, хорошо видимые на экране.

Перри смотрел, как они медленно приближаются, своими безумными глазами, чувствуя, что еще минута и он сойдет с ума и начнет кричать. Это было уже невыносимо, то, что он видел, это были он сам и Торнтон, когда несколько часов назад он тащил на себе своего товарища, находящегося в бессознательном состоянии. Он видел самого себя, видел как он сам качается, как его мотает из стороны в сторону под слишком тяжелым весом беспомощного тела, которое он хочет любой ценой донести и спасти. Он следил внимательно, как сумасшедший, за каждым неуверенным шагом истощенного человека, волокущего слишком тяжелый для него груз. Все, что он делал раньше сам, теперь он четко видел на экране, который повторял все до мельчайших подробностей, что происходило несколько часов назад, но теперь Торнтон был мертв, а еще был между ними разговор, потом он узнал случайно страшную правду, наконец выстрел Торнтона... Время обратилось вспять, а он оказался сразу же в двух точках петли времени: он стоял здесь, перед экранами, и одновременно шел между скал к месту посадки «Редберда», неся на себе Торнтона, и все опять было перед ним: и это страшное открытие, и разговор, и наблюдение за той, страшной агонией — все опять было перед ним...

Это было невероятно, хотя он все это четко видел... Он подумал, что на этот раз он действительно обезумел и у него начались галлюцинации. Он не должен смотреть на экран, но не мог от него оторваться... Чувствуя, как спазмами на него накатывает рыданье, подкатившись уже к горлу, он придинул лицо к экрану и смотрел, смотрел, забыв про все на свете, зная только то, что если он еще не сошел с ума, то это произойдет буквально через минуту.

Оба серебристых силуэта были уже довольно близко от корабля, они входили в область тени, которую отбрасывал космолет. Тот который нес своего товарища, приостановился, качаясь от усталости, а потом встал на колени, положив своего спутника осторожно на твердый скалистый грунт — Перри видел мягкий и за-

богатый жест, каким первый поправил голову раненого товарища. И тут же этот второй, Перри, поднялся с колен и сделал шаг вперед, обходя беспомощно лежащего человека. Он шел к кораблю так, что находился на прямой линии между лежащим и кораблем, словно ожидая неожиданное нападение со стороны молчаливо стоящего, темнеющего на фоне неба корабля. Он продолжал приближаться к кораблю.

Его силуэт увеличивался с каждым шагом, и Перри начал замечать различия между одеждой этого человека и земным скафандром. «Это что-то невозможное, — подумал, чувствуя как его сердце начинает учащенно биться, как оно сбивается со своего ритма. — Возможно это другие люди из экспедиции направленной за нами следом», — убеждал он сам себя, не желая этого понимать, боясь в это поверить. Сердце теперь бешено колотилось, он дышал словно пробежал длинную дистанцию, дышал часто и шумно. Он еще раз наклонился к экрану, приближая свое лицо к его блестящей поверхности, поднял руки и положил ладони на стекло по бокам экрана.

Он все еще дышал тяжело, свист дыхания наполнял тишину кабины. Идущий остановился, медленно поднял голову и стал смотреть на Перри, вернее он смотрел на космолет, но на экране это выглядело так, как будто он смотрел Перри в глаза. Потом он вытянул вперед обе руки и повернул их ладонями вверх. Перри видел открытые, пустые, беззащитные и беспомощные ладони. Он стоял так, вытянув руки в жесте, который означал и просьбу, и дружбу, и взывание о помощи и спасении, жесте, который был понятен любому человеческому существу, который хоть раз взвывал о помощи, просил ее и знал, и верил в то, что в ней ему не откажут. Он вновь сделал шаг в сторону «Редберда», по-прежнему держа безоружные руки вытянутыми вперед.

Он, наверное, был уже очень близко, потому что ладони стали увеличиваться на выпуклом экране, заслоняя почти всю серебристую фигуру. И когда ладони своим изображением заполнили весь экран, Перри понял, вдруг, что в них его так удивило и поразило. На этих, протянутых с надеждой и верой к другому существу, умеющему также отчаяваться, страдать и сочувствовать, руках было восемь пальцев.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Габриэля Гурска «Контакт» Часть II

3

**ЧАСТЬ СРЕДСТВ ОТ ИЗДАНИЯ ВЫПУСКА ПОСТУПАЕТ
В ФОНД МИЛОСЕРДИЯ И ЗДОРОВЬЯ**

ТАКАЯ РАЗНАЯ ФАНТАСТИКА

Составление и оформление ДТС «Помощь»

Переводчик **Молосников В. А.**,

Художники **Коробейников В., Карамышев А.**,

Составитель **Васин Г. А.**,

Ответственный за выпуск **Молосников В. А.**

З. 1420

т. 10 000.

Цена 2 руб.